

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 7 (2021)

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений	3
<i>право лица на свободу и личную неприкосновенность в ходе производства по делу об административном правонарушении</i>	3
практика Европейского Суда по правам человека	3
<i>право лица на беспристрастный суд при рассмотрении дела об административном правонарушении</i>	3
практика Европейского Суда по правам человека	3
<i>право на уважение частной и семейной жизни в аспекте отказа обвиняемому в предоставлении длительных свиданий во время нахождения в следственном изоляторе, а также из-за наличия стеклянной перегородки во время свиданий в изоляторе</i>	4
практика Европейского Суда по правам человека	4
<i>право лица на свободу религии в аспекте реализации права на образование</i>	9
практика Европейского Суда по правам человека	9
<i>право на свободу религии в аспекте отказа лишенному свободы лицу в доступе к кошерной пище</i>	9
практика Европейского Суда по правам человека	9
<i>право на уважение частной жизни в аспекте отказа лицу в доступе к опиоидной заместительной терапии</i>	15
практика Европейского Суда по правам человека	15
<i>осуществление мер прокурорского реагирования в аспекте защиты права лица на свободу выражения мнения</i>	20
практика Европейского Суда по правам человека	20
<i>защита права лица на свободу выражения мнения при привлечении его к административной ответственности</i>	28
практика Европейского Суда по правам человека	28
<i>право лица на свободу собраний</i>	32
практика Европейского Суда по правам человека	32
<i>право лица на образование</i>	33
практика Европейского Суда по правам человека	33
<i>право лица на обращение в межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека</i>	39
практика Европейского Суда по правам человека	39
В сфере гражданско-правовых отношений	39
<i>право лица на свободу выражения мнения при рассмотрении судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации</i>	39
практика Европейского Суда по правам человека	39
<i>право лица на уважение личной (частной) жизни в аспекте рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации</i>	53
практика Европейского Суда по правам человека	53

<i>право лица на образование</i>	55
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	55
<i>В сфере гражданско-процессуальных отношений</i>	56
<i>право лица на обоснованное судебное постановление как неотъемлемый элемент права на справедливое судебное разбирательство</i>	56
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	56
<i>право лица на публичное судебное разбирательство</i>	57
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	57
<i>право лишённого свободы лица на участие в судебном заседании по гражданскому делу</i>	57
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	57
<i>В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений</i>	58
<i>защита права лица на жизнь в аспекте исполнения государством позитивных обязательств материального характера</i>	58
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	58
<i>защита права лица на жизнь в аспекте проведения эффективного расследования случаев лишения жизни</i>	58
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	58

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

право лица на свободу и личную неприкосновенность в ходе производства по делу об административном правонарушении

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42276/15 и 54278/15 «**Борец-Первак и Мальдон против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² ввиду незаконного задержания и доставления заявителей в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении.

право лица на беспристрастный суд при рассмотрении дела об административном правонарушении

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42276/15 и 54278/15 «**Борец-Первак и Мальдон против Российской Федерации**»

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² Далее – Конвенция.

Федерации» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции из-за несправедливого судебного разбирательства по делам об административных правонарушениях в аспекте несоблюдения права на беспристрастный суд.

право на уважение частной и семейной жизни³ в аспекте отказа обвиняемому в предоставлении длительных свиданий во время нахождения в следственном изоляторе, а также из-за наличия стеклянной перегородки во время свиданий в изоляторе

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 63748/13 **«Пишибиев и Беров против Российской Федерации»** (вынесено 9 июня 2020 года, вступило в силу 9 сентября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на уважение частной и семейной жизни во время пребывания их в следственном изоляторе (далее также – СИЗО).

Заявители жаловались, что были лишены возможности иметь физический контакт со своими близкими родственниками из-за перегородки, установленной в комнате для свиданий, а также на невозможность получить длительные свидания с родственниками во время их пребывания в СИЗО.

Об условиях предоставления краткосрочных свиданий

Суд напомнил, что ограничения, наложенные на частоту и продолжительность свиданий, а также на различные условия их проведения являются посягательством на право заявителей на частную и семейную жизнь в соответствии со статьей 8 Конвенции. Вместе с тем, продолжил Суд, вмешательство не противоречит Конвенции, если оно «предусмотрено законом», преследует законную цель (законные цели) согласно пункту 2 статьи 8 и если оно является «необходимым в демократическом обществе» (пункт 36 постановления).

Суд установил: разделение заявителей и их посетителей с помощью перегородки, которая исключает любой физический контакт, является

³ **Для сведения.** В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/28123/.

неоправданной мерой ввиду отсутствия конкретных доказательств того, что заявитель представлял опасность либо присутствовал риск для безопасности или риск сговора (пункт 37 постановления).

Власти подтвердили, что во время разрешенных заявителям свиданий они были отделены от своих родственников стеклянной перегородкой и общались с ними под контролем надзирателя через телефонное переговорное устройство, позволяющее администрации СИЗО прослушивать их разговоры.

Суд отметил следующее – в отношении права на посещения государство не располагает полной степенью свободы, чтобы принимать общие ограничительные правила, которые не предполагают некой гибкости, позволяющей определять, являются ли ограничения по конкретным делам целесообразными или действительно необходимыми (пункт 40 постановления).

Суд обратил внимание на то, что в данном деле отсутствовало какое-либо предварительное изучение вопроса, о том, оправдываются ли характером преступления или конкретными особенностями личности заявителей, либо действующими в СИЗО требованиями безопасности, наличие на протяжении всего срока заключения перегородки, исключающей любой физический контакт заявителей с их близкими, а также присутствие надзирателей во время их свиданий (пункт 41 постановления). Изложенные Суду обстоятельства явились достаточными, чтобы заключить, что была нарушена статья 8 Конвенции.

О невозможности получения длительного свидания

Как усматривалось из постановления, сторонами не оспаривалось, что невозможность для заявителей получить длительные свидания являлась вмешательством в их право на уважение их частной и семейной жизни. Суд не установил оснований для того, чтобы прийти к иному заключению. Было подчеркнуто – такое вмешательство предусматривалось Законом № 103-ФЗ⁴. По утверждению властей, рассматриваемый запрет был наложен в целях охраны порядка и предотвращения преступлений. Исходя из предположения о том, что оспариваемое ограничение преследовало законную цель так, как это истолковано в пункте 2 статьи 8 Конвенции, оставалось определить, являлось ли это вмешательством, «необходимым в демократическом обществе» (пункт 37 постановления).

Суд вновь напомнил: несмотря на то, что любое тюремное заключение естественным образом подразумевает ограничение частной и семейной жизни участника дела, однако в целях соблюдения права заключенного на уважение его семейной жизни необходимо, чтобы администрация исправительного учреждения и другие компетентные органы помогали

⁴ Здесь и далее речь идет о Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

заклученному поддерживать контакт с родными. Этот принцип применяется *a fortiori* к заключенным, в отношении которых еще не был вынесен приговор и которых следует считать невиновными на основании пункта 2 статьи 6 Конвенции, за тем исключением, когда потребности предварительного следствия требуют иного подхода (пункт 44 постановления).

Суд отметил, что Закон № 103-ФЗ исключал какую-либо возможность для лиц, содержащихся в следственных изоляторах, получать длительные свидания. Он подчеркнул – такое ограничение прав на посещения для лиц, находящихся под следствием, является общеприменимым и не зависит от причин содержания участников дела под стражей, стадии уголовного производства, возбужденного против них, и соображений безопасности (пункт 45 постановления).

Суд принял во внимание позицию государства-ответчика, согласно которой ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной. Тем не менее Суд не счел данный аргумент убедительным. Он вновь напомнил, что, согласно прочно сложившейся прецедентной практике в этой сфере, лица, находящиеся под следствием, продолжают располагать всеми фундаментальными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу. Следовательно, лица, находящиеся в следственном изоляторе, не теряют своих прав, гарантированных им Конвенцией, в том числе права на семейную жизнь, и любой случай ограничения таких прав должен иметь четкое обоснование. Таким образом, наложенные на заявителей ограничения не могли рассматриваться как неизбежное следствие их содержания под стражей, и властям следовало, по мнению Суда, продемонстрировать их необходимость (пункт 46 постановления).

Было отмечено – власти ссылались на практику Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой отсутствие в Законе № 103-ФЗ положений, разрешающих лицам, находящимся под следствием, получать длительные свидания компенсируется гарантиями, которые обеспечивает Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в отношении срока предварительного заключения и срока уголовного судопроизводства: согласно УИК РФ⁵ они не могут превышать разумные пределы (пункт 47 постановления).

Суд указал, что право лиц, находящихся под стражей, на частную и семейную жизнь можно обеспечить разными способами, включая сокращение срока, в течение которого указанные лица находятся под стражей. Даже если национальное законодательство предусматривает такие

⁵ Здесь и далее – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

механизмы, важно, чтобы они были эффективными не только в теории, но и на практике. В этом контексте Суд вновь отметил: проблема чрезмерной длительности содержания подозреваемых и обвиняемых в преступлениях в следственных изоляторах имеет структурный характер в российском правопорядке и является следствием практик, не совместимых с Конвенцией. Согласно указаниям Комитета министров Совета Европы по исполнению дел, касающихся чрезмерной длительности содержания под стражей, на данный момент эта проблема так и не решена на национальном уровне. Принимая во внимание эти элементы, Суд счел, что несовершенство внутренних механизмов, призванных защищать право на свободу, в частности право на проведение судебного разбирательства в разумные сроки, оказывает негативное влияние на соблюдение права на уважение частной и семейной жизни лиц, находящихся под стражей (пункт 48 постановления).

Суд подчеркнул следующее – указанное дело представляет собой пример такого негативного влияния, так как заявители находились в предварительном заключении более десяти лет. Хотя у Суда отсутствовала необходимость высказываться о продолжительности предварительного заключения в данном деле, однако после подробного изучения его влияния на частную и семейную жизнь заявителей Суд постановил: указанный срок был слишком длительным и мог повлечь серьезные последствия, затрагивающие возможность заявителей поддерживать и развивать отношения с семьей (пункт 49 постановления).

Суд отметил: заявители жаловались на то, что столкнулись с отсутствием возможности получить длительные свидания, являющиеся единственным для них способом иметь физический контакт с родственниками. Внутреннее законодательство Российской Федерации действительно не предлагает никаких гибких механизмов по организации посещений в следственных изоляторах, указал Суд. Однако он вновь напомнил: в каждом отдельном случае любые ограничения, наложенные на право на посещение заключенных, должны иметь обоснования, в частности такие, как поддержание порядка и безопасности либо необходимость защиты законных интересов следствия (пункт 50 постановления).

Несмотря на то, что во время рассмотрения уголовного дела заявители получали разрешение на проведение свиданий, Суд счел следующее – условия, предполагающие невозможность обеспечить физический контакт между подсудимыми и их близкими (это продолжалось более десяти лет) не предоставили участникам дела возможности поддерживать «допустимый» или разумно «достаточный» контакт со своими семьями. Суд принял к сведению правило 24.4 Европейских пенитенциарных правил, согласно которому свидания должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения. Комментарий к Правилу 24.4 подчеркивает

особую важность свиданий не только для самих заключенных, но и для их семей, и рекомендует по возможности предоставлять длительные свидания с родственниками (пункт 51 постановления).

Суд обратил внимание на то, что в соответствии с УИК РФ осужденные имеют право не менее чем на одно длительное свидание в год, тогда как закон № 103-ФЗ не предусматривает такой возможности для лиц, содержащихся в СИЗО, к числу которых относились и заявители. В связи с этим Суд принял во внимание Правило 99 Европейских пенитенциарных правил, согласно которому при отсутствии специального запрета, установленного судебной инстанцией по тому или иному делу на конкретный срок, лица, находящиеся под следствием, имеют право на свидания и общение с семьей и другими лицами на тех же условиях, что и осужденные заключенные. Кроме того, лица, находящиеся под следствием, имеют право на дополнительные свидания и более упрощенный доступ к другим видам общения (пункт 52 постановления).

Учитывая важность поддержания отношений с людьми и поддержания семейных отношений для каждого человека, включая лиц, находящихся в местах лишения свободы, Суд постановил – в данном деле национальным законодательством не были предоставлены достаточные гарантии, обеспечивающие право заявителей на уважение их частной и семейной жизни. Невозможность для заявителей получать длительные свидания на протяжении более десяти лет, усугубленная отсутствием гибкости национальной законодательной системы в отношении условий проведения краткосрочных посещений, которые исключали любой физический контакт, являлась вмешательством в право заявителей на уважение частной и семейной жизни, что не было необходимым в демократическом обществе (пункт 53 постановления). Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

право лица на свободу религии⁶ в аспекте реализации права на образование⁷

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47429/09 по делу «**Перовы против Российской Федерации**» (вынесено 20 октября 2020 года, вступило в силу 19 апреля 2021 года), которым отклонена жалоба заявителей на якобы имевшее место нарушение статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции (право на образование) и статьи 9 Конвенции (право на свободу вероисповедания). Более подробная информация об этом деле изложена ниже.

право на свободу религии в аспекте отказа лишенному свободы лицу в доступе к кошерной пище

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 23735/16 и 23740/16 по делу «**Эрлих и Кастро против Румынии**» (вынесено 9 июня 2020 года, вступило в силу 9 сентября 2020 года), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение их права на свободу религии в связи с предположительно ненадлежащим предоставлением заявителям кошерной пищи в пенитенциарном учреждении.

Суд напомнил, что защищаемая статьей 9 Конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества». В религиозном понимании эта свобода является одним из жизненно важных элементов, которые составляют личность верующих, их концепцию жизни, но она также представляет большую ценность и для атеистов, агностиков,

⁶ *Для сведения.* В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27658/.

⁷ *Для сведения.* В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28445/.

скептиков и лиц, относящихся к религии нейтрально. Речь идет о плюрализме, с трудом достигнутом в ходе истории, который не может быть отделен от такого общества. Эта свобода подразумевает, в частности, свободу в вопросе присоединения или неприсоединения к религии, а также исповедования или неисконфессии этой религии (пункт 28 постановления).

Если свобода вероисповедания связана, прежде всего, с внутренними вопросами, продолжил Суд, то она также подразумевает свободу выражать свою религию индивидуально и в личном порядке или коллективно, публично и в кругу людей, веру которых человек разделяет. Статья 9 Конвенции указывает на различные формы, которые может принимать выражение религии или убеждения, а именно: богослужение, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов (пункт 29 постановления).

В демократическом обществе, где несколько религий сосуществуют в рамках одной нации, может оказаться необходимой совместимость свободы вероисповедания или выражения убеждений с надлежащими ограничениями для согласования интересов различных групп и обеспечения соблюдения убеждений каждой такой группы, отметил Суд. Это следует как из пункта 2 статьи 9 Конвенции, так и из позитивных обязательств, которые возлагаются на государство в соответствии со статьей 1 Конвенции, в отношении признания за каждым лицом, находящимся под его юрисдикцией, прав и свобод, определенных в Конвенции (пункт 30 постановления).

Суд напомнил о субсидиарной роли механизма Конвенции. Национальные органы власти обладают непосредственной демократической легитимностью и, как Суд неоднократно устанавливал, находятся в лучшем положении по сравнению с международным судом, чтобы оценивать местные потребности и условия. В вопросах общей политики, относительно которых в демократическом государстве мнения могут расходиться очень сильно, особое внимание должно уделяться роли национальных руководящих властей. Что касается статьи 9 Конвенции, в принципе, следует признать за государством широкую свободу усмотрения при решении вопроса о том, является ли, и в какой степени, «необходимым» ограничение права исповедовать религию или убеждения (пункт 31 постановления).

Суд подчеркнул: если граница между позитивными и негативными обязательствами государства в значении Конвенции не подлежит точному определению, то применимые принципы тем не менее сопоставимы. В частности, в обоих случаях необходимо учитывать справедливый баланс между общими интересами и интересами отдельного лица, при этом государство в любом случае обладает свободой усмотрения (пункт 32 постановления).

Суд счел, что жалобы заявителей следовало рассмотреть в свете позитивных обязательств, которые вытекают из статьи 9 Конвенции.

В этой связи Суд отметил следующее – румынское государство определено закрепило право на религиозную свободу как на уровне

Конституции, так и на законодательном уровне, и что иудаизм указан среди официально признанных религий. Следовательно, довод заявителей, в соответствии с которым государство-ответчик не приняло законодательства для признания иудейской религии, был отклонен. Если довод заявителей состоял в утверждении, что государство-ответчик не приняло специальных нормативно-правовых актов, касающихся условий, при которых заключенные иудеи могут получать кошерное питание в ходе отбывания тюремного срока, Суд подчеркнул: закон № 254/2013⁸ и принятые в ходе его применения нормативно-правовые акты определяют условия исполнения права на свободу вероисповедания в заключении, в том числе в том, что касается питания, необходимого в связи с соблюдением религиозных предписаний. Суд счел, что это законодательство дает общую нормативную основу (достаточно предсказуемую и подробную) в отношении осуществления права на свободу вероисповедания в пенитенциарной сфере. Что касается довода заявителей о предполагаемом отсутствии специального нормативно-правового акта, устанавливающего подробные условия предоставления, приготовления и раздачи кошерных блюд в тюрьме, то Суд постановил – решение о принятии или непринятии подробного нормативно-правового акта, касающегося условий исповедания религии в пенитенциарной области, относится скорее к свободе усмотрения властей государства, которые находятся в лучшем положении, чтобы оценивать местные потребности и условия. В этой связи Суд указал, что, по словам самих заявителей, во время соответствующих событий в румынских тюрьмах содержались только восемь человек иудейского вероисповедания (пункт 34 постановления).

Как усматривалось из постановления, суд первой инстанции города Б. вынес решение о мере, подходящей для особых нужд заявителей, и позволил, таким образом, исправить отсутствие специальной нормативной основы для заключенных иудейского вероисповедания, которое должно было быть исполнено безотлагательно. Суд оценил достоинства такого подхода, который хорошо согласуется с принципом субсидиарности, поскольку суд первой инстанции принял конкретное решение, обладающее тем преимуществом, что администрация тюрьмы Р. может исполнить его незамедлительно (пункт 35 постановления).

Суд отметил, что суд первой инстанции обязал администрацию тюрьмы Р. разрешить заявителям получать ежедневно питание кошерного типа в количестве, необходимом для удовлетворения их личных нужд, обеспечить получение питания в тех же условиях, которые предоставляются другим заключенным, а также обеспечить оборудование для хранения пищи в дни, когда она не может быть поставлена. Суд подчеркнул: в соответствии

⁸ Здесь и далее речь идет о Законе № 254/2013 об исполнении наказаний и применении мер ограничения свободы по решению судебных органов в ходе уголовного судопроизводства.

с замечаниями властей, не оспариваемыми заявителями, решение суда первой инстанции было исполнено администрацией тюрьмы Р. Следовательно, он отклонил довод заявителей, согласно которым они должны были добиваться судебного решения, чтобы за ними было признано право получать питание, соответствующее требованиям их религии, поскольку заявители должны были обратиться, прежде всего, к национальным властям для заявления о предполагаемом нарушении их прав. В данном деле внутригосударственные суды, по мнению Европейского Суда, надлежащим образом рассмотрели требования заявителей и вынесли в надлежащий срок судебное решение в их пользу. Суд также отметил следующее – из сведений, представленных ему заявителями, не следовало, что они требовали в национальных органах власти компенсации за период, предшествующий обращению к ним, когда они не получали питания, соответствующего требованиям их религии (пункт 36 постановления).

Суд напомнил: он уже указывал на готовность согласиться с тем, что решение о проведении специальных изменений для одного из заключенных могло иметь прямые финансовые последствия для исправительного учреждения и, следовательно, косвенно отрицательно сказаться на качестве обращения с другими заключенными, и он, таким образом, должен был проверить, обеспечили ли национальные органы власти справедливое равновесие между интересами учреждения, интересами других заключенных и конкретными интересами соответствующего заключенного. В этой связи он отметил следующее – ситуация в данном деле отличается от ситуации, характерной для дел «*Якубский против Польши*» и «*Вартич против Румынии*» (№ 2), где заявители требовали вегетарианское питание, которое не нужно было готовить, жарить или подавать особым образом, и что предоставление такого питания не имело отрицательных последствий для управления пенитенциарными учреждениями или для качества питания, предоставляемого другим заключенным. С другой стороны, в названном деле питание, требуемое заявителями, было кошерным, то есть оно должно было содержать определенные ингредиенты, получаемые по исключительно точным правилам, которые должны были готовиться отдельно, в отдельной посуде и с помощью отдельных приборов, особым образом и под наблюдением религиозного представителя. Суд усмотрел здесь существенную разницу по отношению к делам, которые он уже рассматривал ранее, и будет учитывать при рассмотрении вопроса о том, действовала ли администрация тюрьмы Р. в пределах своей свободы усмотрения (пункт 37 постановления).

Так, из замечаний властей, не оспариваемых заявителями, следовало: в кухне тюрьмы Р. было оборудовано отдельное пространство. Речь шла, по мнению Суда, о важном элементе, поскольку кошерное питание должно быть приготовлено в особых условиях. По-видимому, эти условия были соблюдены в данном деле, поскольку они были одобрены иудейской

религиозной организацией. Суд отметил также, что заключенные иудейской конфессии участвовали в приготовлении пищи. Он указал – Европейские пенитенциарные правила, в соответствии с пояснениями в комментариях, утверждают такой подход с целью предоставления заключенным возможности получить представление о положительных моментах жизни в обществе (пункт 38 постановления).

Как следовало из постановления, администрация тюрьмы Р. сотрудничала с религиозной еврейской организацией в целях исполнения решения суда первой инстанции города Б. Эта организация впоследствии присутствовала в тюрьме во время религиозных праздников и снабжала заявителей специальными продуктами. Суд учел довод заявителей о том, что исповедание их религии происходило каждый день и не ограничивалось одними только религиозными праздниками. Однако он счел – привлечение по инициативе пенитенциарных органов власти религиозной организации с целью определения порядка организации условий, в которых заявители могли получать питание, соответствующее предписаниям своей религии, являлось если не решающим, то важным элементом. Его следовало учитывать при анализе того, как национальные органы власти выполнили свои позитивные обязательства, предусмотренные статьей 9 Конвенции (пункт 39 постановления).

Суд установил, кроме того, что суд первой инстанции города Б. позволил заявителям получать, отступая от действующих норм, продукты, которые могли обрабатываться и приготавливаться на месте. Он учел тот факт, что заявители обеспечивали себя этими продуктами своими средствами, в чем заключалась основная критика, сформулированная заявителями в их замечаниях, поданных в Суд. Он отметил: такая договоренность сама по себе не противоречит правилу 22 Европейских пенитенциарных правил в соответствии с пояснением в комментарии к ним. Однако он напомнил – целью Конвенции является защита не теоретических или иллюзорных, а конкретных и эффективных прав. В обстоятельствах дела Суд определил: договоренность, что заключенному разрешено получать за счет своих средств продукты питания, отвечающие предписаниям своей религии, не должна налагать на него бремя, которое он не сможет выполнить по объективным финансовым причинам. В этой связи Суд констатировал – суд первой инстанции указал заявителям – они могли потребовать возмещения понесенных ими расходов посредством подачи отдельного гражданского иска и при этом из материалов дела не следовало, что заявители обращались в компетентные органы по указанному вопросу. Заявители также не утверждали в Суде, что объективные причины помешали им подать такой иск (пункт 40 постановления).

Суд напомнил, что сами по себе сомнения относительно перспектив успеха какого-либо предоставленного средства правовой защиты, которое не приведет к очевидному проигрышу, не являются надлежащим основанием

для оправдания неиспользования данного средства правовой защиты. В названном деле заявители не выдвинули ни одного довода, позволяющего поставить под сомнение эффективность гражданского иска, указанного судом первой инстанции города Б. (пункт 41 постановления).

Суд отметил, что заявители не сообщали о том, что они подавали пенитенциарным властям точное и подробное требование возмещения им стоимости продуктов, которые они покупали на свои средства, и получили отказ в удовлетворении своего требования. Заботясь о соблюдении принципа субсидиарности, Суд не занимался подсчетами суммы, действительно потраченной заявителями на обеспечение себя кошерными продуктами питания, в отсутствие решения национальных органов власти по этому вопросу (пункт 42 постановления).

Как усматривалось из постановления, администрация тюрьмы Р. провела оборудование отдельной кухни, предназначенной для приготовления кошерной пищи, и что условия приготовления таких блюд были одобрены иудейской религиозной организацией. Эта организация давала консультации в процессе и предоставляла заявителям специальные продукты питания. В соответствии с решением суда первой инстанции города Б. заявители могли получать продукты, необходимые для приготовления блюд на месте на тюремной кухне. Таким образом, администрацией тюрьмы Р. были реализованы все меры. Суд не согласился с доводом заявителей, согласно которому обязательство, налагаемое на национальные власти в данном случае, являлось обязательством результата. В самом деле он счел, что эти меры носили соответствующий характер и при этом национальные органы власти сделали все, что от них могло разумно требоваться для уважения религиозных убеждений заявителей, тем более что кошерные блюда должны быть приготовлены в строго определенных условиях (пункт 43 постановления).

В свете вышеизложенного и с учетом свободы усмотрения, которой государство-ответчик обладает в этом вопросе, Суд счел, что национальные органы власти выполнили (в разумной в обстоятельствах дела степени), свои позитивные обязательства по статье 9 Конвенции.

право на уважение частной жизни⁹ в аспекте отказа лицу в доступе к опиоидной заместительной терапии

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 58502/11 по делу «*Абдюшева и другие против Российской Федерации*» (вынесено 26 ноября 2019 года, вступило в силу 15 апреля 2020 года), которым отклонены жалобы заявителей на якобы имевшее место нарушение их прав в связи с отсутствием в Российской Федерации лечения наркомании методом «заместительной терапии» с использованием метадона и бупренорфина. Отмечено, что вмешательство государства в права заявителей являлось обоснованным, поскольку запрет лечения наркомании методом «заместительной терапии» направлен на защиту здоровья и жизни граждан.

Суд напомнил, что Конвенция не гарантирует право на здоровье как таковое. Тем не менее в Суд обращались с жалобами на отказ в доступе к определенным видам лечения или лекарств, которые Суд рассмотрел с точки зрения статьи 8 Конвенции, где термин «частная жизнь» также охватывает личную автономию (пункт 111 постановления).

Суд предположил: вопросы общественного здравоохранения в большинстве своем подпадают под пределы усмотрения национальных властей, которые лучше могут расставить приоритеты, оценить использование имеющихся ресурсов и потребности общества. Это зависит от ряда факторов, определяемых обстоятельствами дела. Если государства-члены Совета Европы не могут достигнуть консенсуса, единого мнения относительно рассматриваемого вопроса или способов защиты, то предел усмотрения расширяется, особенно когда дело касается деликатных моральных или этических вопросов. Обычно государству предоставляется широкая свобода в принятии общих мер по экономическим или социальным вопросам. Благодаря непосредственному знанию своего общества и его нужд, национальные власти, в принципе, находятся в более выгодном положении, чем международный суд, и могут лучше определить, что является общественно полезным в том, что касается экономических или социальных

⁹ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28123/.

вопросов; Суд в целом придерживается требований государства к общественной полезности, если только решение государства не «явно лишено разумных оснований» (пункт 112 постановления).

Суд обратил внимание, что ранее он сталкивался с похожей ситуацией, а именно – обращение в органы государственной власти с ходатайством о предоставлении доступа к неразрешенным лекарственным средствам. Суд рассмотрел квалификацию этого ходатайства и, в частности то, можно ли оценить оспариваемую меру с точки зрения ограничения свободы заявителей в выборе медицинской помощи, ограничения, которое мешает осуществлению их права на уважение частной жизни, или с точки зрения предполагаемого отказа государства создать соответствующую нормативную базу, гарантирующую уважение прав отдельных лиц, находящихся в ситуации заявителей и, следовательно, нарушение государством позитивного обязательства по обеспечению уважения их права на частную жизнь. Суд счел, что нет необходимости принимать решение в пользу того или иного подхода, поскольку границы между позитивными и негативными обязательствами, возложенными в статье 8 Конвенции на государство, не поддаются точному определению, а принципы, применимые к тем и иным обязательствам, одинаковые. Суд постановил, что в обоих случаях необходимо соблюдать надлежащий баланс между интересами человека и общества. В данном деле Суд не усмотрел оснований для отступления от этого анализа. Вопрос заключался в том, был ли достигнут такой баланс, учитывая пределы усмотрения государства в этой области (пункт 114 постановления).

Суд отметил, что оспариваемая мера была предусмотрена законом, а именно статьей 14 и пунктами 1 и 6 статьи 31 Федерального закона от 8 января 1998 года «О наркотических средствах и психотропных веществах» и что она преследовала законную цель – защиту здоровья. Суду предстояло ответить на вопрос, был ли достигнут справедливый баланс между интересами отдельного человека и общества (пункт 115 постановления).

Прежде всего, Суд констатировал, что предметом спора между сторонами являлась необходимость в заместительной терапии для заявительницы.

Заявительница представила медицинское заключение, составленное украинскими экспертами, утвердительно ответивших на вопрос о том, нуждается ли она в заместительной терапии, которую заявительница начала принимать ранее. С другой стороны, существовало медицинское заключение российских экспертов, которые, напротив, считали, что заместительная терапия не показана, поскольку пациентка не воспользовалась всеми видами доступного в Российской Федерации традиционного лечения, в частности, реабилитацией и социальной реинтеграцией. Эти эксперты полагали, что заявительница может продолжить упомянутое лечение. Кроме того, власти утверждали, что, не пройдя все этапы лечения опиоидной

зависимости, доступные в Российской Федерации, заявительница не могла утверждать, что эти методы неэффективны (пункт 117 постановления).

Таким образом, резюмировал Суд, ему предъявлены разные медицинские заключения. Напоминая о субсидиарном характере своих полномочий, Суд счел, что не вправе принимать решения по вопросам, относящимся исключительно к сфере медицинской экспертизы. В частности, он не может принимать решение о том, была ли медицинская помощь, предоставленная заявительнице, адекватной и полной, не говоря уже о выборе одного из нескольких подходов к лечению зависимости.

Однако, принимая к сведению аргументы властей, Суд отметил, что медицинские учреждения страны имеют большой опыт в этой области, занимаются лечением опиоидной зависимости, и, следовательно, заявительница может обратиться к ним, если нуждается в медицинской помощи. Поэтому Суд решил: дело заявительницы должно быть изучено специалистами и исключительно они компетентны назначать адекватное лечение. Суд также отметил, что заявительница не исчерпала все традиционные методы лечения, перечисленные властями и третьими сторонами, занимающимися программой реабилитации, и что заявительница всегда может к ним вернуться (пункт 119 постановления).

Тем не менее, продолжил Суд, доводы заявительницы можно понимать как желание следовать заместительной терапии, при этом она отказалась от традиционного лечения, поскольку считала его бесполезным и неэффективным. В обоснование своих доводов заявительница ссылалась на аргументы, основанные, с одной стороны, на европейском консенсусе о заместительной терапии, а с другой – на обязательстве Российской Федерации внедрить эту терапию, предусмотренную, по словам заявительницы, международными конвенциями, подписанными этим государством, и, наконец, на преимущества этого лечения для профилактики ВИЧ. Она утверждала, что, не прибегая к традиционной медицине и пропустив этот этап, сможет добиться лучшего результата, используя метадон или бупренорфин (пункт 120 постановления).

Сформулированная таким образом жалоба, по мнению Суда, рассматривалась властями как просьба о легализации наркотиков, а это находится в пределах их компетенции. В обоснование своего отказа в легализации власти ссылались на серьезные риски для здоровья населения, в том числе для здоровья заявительницы. Власти также напомнили об опасности метадона и бупренорфина для здоровья, риске возникновения новой зависимости от этих опиоидов и риске политоксикомании, то есть одновременном использовании нескольких опиоидов, что ощутимо повышает риск смерти (пункт 121 постановления).

Что касается обязательств Российской Федерации по другим международным документам, то Суд принял к сведению доводы властей о том, что, как видно из анализа соответствующего международного права,

Российская Федерация выполнила свои международные обязательства в отношении контроля над наркотиками и ни в одном документе не прописано требование о легализации этих двух веществ. Суд напомнил, что в его компетенции исключительно применение Конвенции, и он не может толковать или контролировать соблюдение других международных документов. Как бы там ни было, заявительница, подчеркнул Суд, не ссылалась на конкретный юридически обязательный документ, однозначно обязывающий Российскую Федерацию проводить лечение наркозависимости метадон или бупренорфином (пункт 122 постановления).

Что касается европейского консенсуса о лечении опиоидной зависимости метадон и бупренорфином, то Суд отметил, что этот элемент учитывается при анализе соразмерности, но не является решающим. Возвращаясь к этому консенсусу в постановлении по делу *«Веннер против Германии»*, Суд пришел к заключению: хотя этот метод замещения широко распространен в государствах-членах Совета Европы, однако он является спорным (пункт 124 постановления).

Суд внимательно отнесся к анализу властями результатов применения этой программы в других странах. Фактически, власти привели в качестве примера государства, которые, столкнувшись с неэффективностью метадоновой заместительной терапии для некоторых пациентов, предлагали им в качестве альтернативы медицинский героин диаморфин. Поэтому власти рассмотрели заместительную терапию как капитуляцию перед наркоманией, а не ее лечение. Власти утверждали, что рассматриваемые вещества не только не являлись решением проблемы, но также представляли серьезную угрозу для общественного здравоохранения, которую власти, как ответственные за жизнь и здоровье лиц, находящихся под их юрисдикцией, не могут игнорировать. Они настаивали на опасности этих наркотических средств для здоровья пациентов, поскольку их употребление, согласно позиции властей, привело бы к новой зависимости и политоксикомании, ощутимо увеличивающей риск смерти (пункт 125 постановления).

Основываясь на научных исследованиях, власти объяснили эти риски фармацевтическими качествами этих веществ, являющихся опиоидами с менее выраженным эйфорическим эффектом. Утверждали, что наркозависимые в поисках этого эйфорического эффекта могут употреблять как метадон, так и запрещенные опиоиды. Причем, по мнению властей, такое употребление вызывает новую зависимость, оказывает такое же вредное воздействие на здоровье, как и употребление запрещенных опиоидов, и приводит к повышению риска смерти от передозировки (пункт 126 постановления).

Заявительница, которую поддерживали некоторые третьи стороны, не оспаривала ни опасности этих веществ, ни риска применения метадона с

запрещенными наркотиками, но утверждала, что преимущества превышают недостатки. Эти риски, подтвержденные заявительницей и третьими сторонами, также косвенно были подтверждены в постановлении Суда по делу *«Веннер против Германии»*. В этом постановлении немецкие суды установили: «заявитель уже показал, что заместительная терапия, которую он получал, пребывая на свободе, не мешала ему употреблять наркотики или совершать преступления». Таким образом, если присутствует риск полинаркомании, то все преимущества лечения опиоидной зависимости метадоном и бупренорфином, о которых говорит заявительница, сводились, по мнению Суда, к нулю (пункт 127 постановления).

Суд счел, что риски, перечисленные властями, не являются необоснованными. Власти, проявляя заботу о защите здоровья лиц, находящихся под их юрисдикцией, имеют все основания для принятия мер, иногда таких решительных, как запрет определенных опиоидов, с целью сведения к минимуму причиняемого или вероятного ущерба, вызванного ими. Ведь приоритетный общественный интерес государства заключается в защите здоровья людей, находящихся под его юрисдикцией. Суд уже выносил решение, согласно которому органы здравоохранения государства-ответчика, регулируя доступ к лекарствам для пациентов, страдающих от неизлечимых болезней, не выходили за пределы усмотрения, поскольку их целью было защитить пациентов от лечения, которое могло нанести вред их здоровью, даже если их жизнь подходила к концу. Эта логика тем более применима в названном деле, поскольку заявительница не находилась в положении, сравнимом с положением пациентов в конце их жизненного пути (пункт 128 постановления).

Возвращаясь к доводам заявительницы о том, что риски, которые эти вещества влекут за собой, требуют проведения кампании по регулированию, обучению и повышению осведомленности, а не их запрета, Суд, осознавая свой субсидиарный характер, не может диктовать властям, каким образом им решить эту проблему. Власти имеют больше возможностей, чтобы оценить, насколько реалистично осуществлять контроль за потреблением нескольких видов опиоидов. В этом отношении Суд отметил, что в области общественного здравоохранения в российском законодательстве не предусмотрено медицинское обслуживание против воли пациентов, они в любое время могут прервать лечение и отказаться от медицинского наблюдения в токсикологическом диспансере. Принуждение пациентов к лечению или даже изучение соблюдения условий приема в программу лечения равносильно посягательству на личную автономию, которую заявительница стремилась защитить, посредством подачи жалобы в Суд (пункт 129 постановления).

Суд счел, что российские власти имеют больше возможностей для определения политики в такой деликатной области, как борьба с незаконным оборотом наркотиков, регулирование рынка наркотиков и оказание

медицинской помощи опиоидным зависимым с учетом широкого предела усмотрения властей в вопросах общественного здравоохранения. Наконец, возвращаясь к аргументу заявительницы о том, что заместительная терапия более эффективна, чем традиционное лечение, Суд вновь напомнил, что не может взять на себя роль специалистов в медицинской сфере и судить об эффективности методов лечения наркозависимости. Суд с удовлетворением отметил: заявительнице предоставлялась традиционная медицинская помощь с учетом достижений научного прогресса в российских медицинских учреждениях (пункты 130–131 постановления).

С одной стороны, принимая во внимание риски заместительной терапии для общественного здравоохранения, озвученные властями, и, с другой стороны, индивидуальную ситуацию заявительницы, которая получала медицинскую помощь, Суд счел, что российские власти не превысили пределов усмотрения и не нарушали права заявительницы на уважение ее личной жизни. Поэтому Суд резюмировал – статья 8 Конвенции не нарушалась.

осуществление мер прокурорского реагирования в аспекте защиты права лица на свободу выражения мнения¹⁰

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 16435/10 *«Карастелев и другие против Российской Федерации»* (вынесено 6 октября 2020 года, вступило в силу 6 января 2021 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на свободу выражения мнения.

Ссылаясь на статью 10 Конвенции, первый и второй заявители утверждали, что документы, выданные прокурором 21 мая 2009 года¹¹,

¹⁰ *Для сведения.* В 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/.

¹¹ Как усматривалось из текста постановления: «21 мая 2009 года прокуратура издала четыре акта в рамках трех юридических процедур.

(а) Было вынесено два отдельных письменных *предостережения* о недопустимости нарушения закона на основании статьи 25.1 Закона «О прокуратуре»... Эти *предостережения* были адресованы первому и второму заявителям в качестве должностных лиц НКПЧ – их предупредили, что невыполнение условий *предостережений* может повлечь за собой личную ответственность за административное правонарушение.

были незаконными и что внутригосударственное законодательство определяло акт «препятствования законной деятельности государственных органов в сочетании с применением насилия или угрозы его применения» как «экстремистский», но ничто в их действиях или словах не подтверждало утверждение о существовании риска возможного воспрепятствования законной деятельности государственных властей в сочетании с применением насилия или угрозы его применения. Вмешательство в их свободу выражения мнения, в том числе в свободу распространять информацию и идеи, не преследовало какой-либо законной цели и не было необходимым в демократическом обществе.

Суд повторил, что «вмешательство» в осуществление свободы выражения мнения или свободы мирных собраний, предусмотренных статьями 10 или 11 Конвенции, не обязательно предусматривает прямой юридический или фактический запрет, но может состоять из различных других мер, принимаемых властями. Определения «формальности, условия, ограничения [и] санкции» в пункте 2 статьи 10 Конвенции, по мнению Суда, должны толковаться как включающие меры, принятые до или во время собрания, так и штрафные санкции, наложенные после собрания (пункт 70 постановления).

Например, предварительный запрет, продолжил Суд, может оказать сдерживающее воздействие на лиц, которые намерены принять участие в митинге и, таким образом, представлять собой вмешательство, даже если

По данным прокуратуры, в ходе последующего разбирательства..., предостережение второй заявительнице не было вручено ей официально и, таким образом, не повлекло за собой никаких правовых последствий.

(b) В отношении НПО было вынесено *предупреждение* о недопустимости экстремистской деятельности на основании статьи 7 Закона о противодействии экстремизму... Этот документ был адресован второму заявителю как главному должностному лицу НКПЧ, и в нем указывалось, что если в течение двенадцати месяцев после предупреждения обнаружатся новые факты, указывающие на возможную экстремистскую деятельность, НКПЧ может быть распущено по решению суда; а также

(c) Было вынесено *представление*, по-видимому, требующее от третьего заявителя устранить нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности... В нем было отмечено, что экстремистские действия со стороны НПО могут повлечь за собой ее роспуск. В представлении от второго и третьего заявителей требовалось «принять меры для исправления нарушений закона и для устранения причин и оснований для таких нарушений» и в течение месяца доложить в прокуратуру о принятых мерах...

Во всех вышеупомянутых документах прокурор, используя практически одинаковые формулировки, указывал, что призывы первого и второго заявителей к несовершеннолетним присутствовать на акциях протеста против Закона о защите несовершеннолетних равносильны призыву к осуществлению антиобщественных действий, заключающихся в неповиновении закону и государственным органам, и что такое поведение может в будущем повлечь за собой экстремистские действия, заключающиеся в воспрепятствовании работе государственных органов в городе Н.» (пункт 19 постановления).

впоследствии митинг продолжается без препятствий со стороны властей. Наказание в виде предостережения, вынесенного частной телерадиокомпанией за распространение контента в нарушение применимого закона, представляло собой «вмешательство» в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Конвенции, в частности, в результате оказания на компанию-заявителя давления, в результате которого она стала воздерживаться от трансляции контента, поскольку он может быть воспринят как противоречащий интересам государства (пункт 71 постановления).

Даже в отсутствие какого-либо фактического наказания физическое лицо все же может утверждать, что закон нарушает его права в отсутствие конкретного случая принуждения, и, таким образом, сообщать, что оно является «жертвой» по смыслу статьи 34 Конвенции. Если от него требуется либо изменить свое поведение, либо оно рискует подвергнуться судебному преследованию, или если оно является членом категории лиц, которые рискуют быть непосредственно затронутыми законодательством, подчеркнул Европейский Суд (пункт 72 постановления).

Власти признали факт «вмешательства» в свободу выражения мнения первого и второго заявителей в данном деле.

Что касается характера и фактического объема этого «вмешательства», то Суд отметил: первому и второму заявителям было вынесено письменное *предостережение* в соответствии с Законом о прокуратуре и Законом о противодействии экстремизму. Хотя заявители не были признаны виновными в совершении каких-либо административных и уголовных правонарушений, предусмотренных российским законодательством, однако их поведение было сочтено незаконным в более широком смысле как потенциально способствующее тому, что могло быть квалифицировано как «экстремистская деятельность» в соответствии с российским законодательством. Заявители были уведомлены об этом выводе о незаконности и, как прямо указано в предостережениях, были обязаны действовать под угрозой того, что невыполнение данного требования может повлечь за собой ответственность за совершение административного правонарушения. В дополнение к вышеупомянутому «вмешательству» в их предыдущие действия во время демонстрации заявители также столкнулись с дилеммой: либо они выполняют требования предостережения и, таким образом, воздержатся от дальнейших протестов, либо они откажутся выполнить эти требования и подвергнутся судебному преследованию (пункт 74 постановления).

Что касается *предупреждения* и *представления*, то они были адресованы неправительственной организации НКПЧ¹² в лице ее старшего должностного лица. Суд повторил – он истолковывает понятие «жертва»

¹² Здесь и далее – неправительственная организация Новороссийский комитет по правам человека.

автономно и независимо от концепций национального законодательства, например, касающихся интереса или дееспособности, даже несмотря на то, что Суду следует учитывать тот факт, что заявитель был стороной в разбирательстве на национальном уровне. Статья 34 Конвенции касается не только непосредственно жертвы или жертв предполагаемого нарушения, но и любых косвенных жертв, которым это нарушение могло причинить вред или которые могут иметь реальную личную заинтересованность в прекращении этого нарушения. Так получилось, что второй заявитель также была главным должностным лицом НКПЧ. Ее выразительное поведение во время демонстрации послужило основанием для вынесения этих актов. Затем она ушла с должности главного должностного лица НПО¹³, чтобы обеспечить соблюдение требований оспариваемого представления и избежать роспуска НПО. Наконец, следовало отметить, что согласно российскому законодательству она также имела право оспорить эти документы во внутригосударственных судах. Таким образом, хотя второй заявитель не была привлечена к личной ответственности и не подверглась угрозе наказания, однако в обстоятельствах данного дела процедуры предупреждения и представления были равносильны «вмешательству» в ее свободу выражения мнения. Таким образом, у нее действительно имелось право подавать жалобу на нарушение статьи 10 Конвенции в связи с предупреждением и представлением (пункт 75 постановления).

Определив объем «вмешательства», Суд перешел к оценке обоснованности использования процедур предостережения, предупреждения и представления в названном деле.

Суд напомнил, что вмешательство нарушает статью 10 Конвенции, если оно не удовлетворяет требованиям пункта 2 этого положения. Таким образом, по мнению Суда, требуется определить, было ли вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или несколько законных целей, определенных в указанном пункте, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (пункт 77 постановления).

(i) *«Предусмотрено законом»*

Осуществление мер прокурорского реагирования

Суд повторил, что выражение «предусмотрено законом» требует, чтобы оспариваемая мера имела соответствующее основание во внутригосударственном законодательстве. Оно также касается качества рассматриваемого закона, который должен быть доступен для заинтересованных лиц и предсказуемым в плане его последствий, то есть

¹³ Здесь и далее – неправительственная организация.

сформулированным с достаточной точностью, чтобы заинтересованные лица (при необходимости, после соответствующей консультации) могли предвидеть, в разумно обоснованной при таких обстоятельствах степени, последствия, которые может повлечь данное действие, и регулировать свое поведение. Фраза «предусмотрено законом» подразумевает, в частности, что внутригосударственное законодательство должно быть достаточно предсказуемым, чтобы давать гражданам четкое представление об обстоятельствах, когда власти имеют право прибегать к мерам, влияющим на их предусмотренные Конвенцией права, и об условиях, на которых такие меры могут осуществляться. «Закон» включает в себя все, что входит в состав писаного закона, включая акты более низкого ранга, чем законодательные акты, и соответствующая прецедентная практика (пункт 78 постановления).

Для того, чтобы отвечать этим требованиям, по мнению Суда, национальное законодательство должно предоставлять средство правовой защиты от произвольного вмешательства властей в права, гарантированные Конвенцией. В вопросах, касающихся основных прав, если предоставленная исполнительной власти законная свобода усмотрения обретает форму неограниченной власти, то это противоречит верховенству права, одному из основных принципов демократического общества, закрепленному в Конвенции. Следовательно, закон должен с достаточной ясностью указывать пределы дискреционных полномочий, предоставленных компетентным органам, и способ их осуществления. Наличие достаточных процессуальных гарантий может быть особенно уместным, если среди других факторов учитывать характер и масштабы рассматриваемого вмешательства (пункт 79 постановления).

Как усматривалось из постановления, стороны сошлись во мнении о том, что предостережения были основаны на национальном законодательстве, а именно на статье 6 Закона о противодействии экстремизму и на статье 25.1 Закона о прокуратуре, и что эти положения законодательства были доступны. Аналогичным образом, предупреждение и представление были основаны на статье 7 Закона о противодействии экстремизму и на статье 24 Закона о прокуратуре. Однако заявители усомнились в предсказуемости этих положений в их применении внутригосударственными органами власти, в том числе судами. Они утверждали следующее – они не могли разумно ожидать, что простая критика закона может подпадать под действие этих законоположений. Кроме того, некоторые термины, использованные в этих положениях, были расплывчаты (пункт 80 постановления).

Суд отметил, что юридической основой для принятия мер в отношении заявителей была квалификация их действий как потенциально ведущих к «экстремистской деятельности», заключающейся в воспрепятствовании законной деятельности государственных органов. В данном деле имелось два

взаимосвязанных существенных вопроса: (i) знали ли заявители или должны ли они были знать (в случае необходимости, после соответствующей юридической консультации), что их поведение может привести к применению процедур, предусмотренных законодательством о противодействии экстремизму, поскольку их (экспрессивное) поведение, связанное с их свободой выражения мнения, создавало риск будущей «экстремистской деятельности», заключающейся в «воспрепятствовании законной деятельности государственных органов»; и (ii) предоставляло ли российское законодательство определенную правовую защиту от произвольного вмешательства государственных властей в право на свободу выражения мнения (пункт 81 постановления).

Согласно постановлению Европейского Суда заявители оспорили понятие «воспрепятствование» законной деятельности государственных органов, утверждая, что оно было расплывчатым. Закон о противодействии экстремизму уполномочивает компетентный надзорный орган выносить предостережение о недопустимости экстремистской деятельности, если имеются «достаточные и предварительно подтвержденные сведения» о «готовящихся противоправных действиях экстремистского характера». Суд отметил: в контексте законодательства о противодействии экстремизму термин «препятствование» использовался для того, чтобы охарактеризовать тип «экстремистской деятельности», и что использование этого термина прямо связано с ситуациями «применения насилия» или «угрозы его насилия» и ограничивается ими. Однако власти не опровергли довод заявителей о том, что, как следовало из обстоятельств их дела, это понятие все же было расплывчатым и получило неоправданно широкое толкование в плане его охвата, что сделало возможным при осуществлении лицом права на свободу выражения сделать не подкрепленный доказательствами и необоснованный вывод о том, что акты воспрепятствования действительно планируются, не указывая при этом, из чего они предположительно будут состоять (пункт 82 постановления).

Особенностью процедуры предостережения, примененной в названном деле, отметил Суд, являлось то, что ни заявители, ни какое-либо другое лицо не совершили правонарушения. Данная процедура направлена на предотвращение риска незаконного поведения, которое может быть приравнено к правонарушению согласно национальному законодательству, если имеются сведения о том, что такое поведение «планируется», и в то же время отсутствуют достаточные основания возбуждения уголовного дела. В данном деле, как усматривалось из постановления Суда, правонарушения, которые власти стремились предотвратить или избежать, прибегнув к процедуре предостережения, касались препятствования законной деятельности государственных органов в сочетании с применением насилия или угрозы его применения (пункт 84 постановления).

Суд обратил внимание на то, что в аспекте применения пункта 2 статьи 10 Конвенции процедура предостережения в соответствии с российским законодательством, по сути, отвечает цели «предотвращения преступлений или беспорядков», а именно будущего преступления. Поскольку Конвенция является договором, направленным на эффективную защиту индивидуальных прав человека, такие положения, как пункт 2 статьи 10 Конвенции, разрешающие вмешательство в предусмотренные Конвенцией права, должны толковаться ограничительно, и, в более общем плане, исключения из общего правила не могут иметь широкого толкования. Таким образом, Суд счел: риск совершения «преступления», который можно предотвратить путем обращения к оспариваемой процедуре, и, в частности, к процедуре предостережения, должен быть реальным и касаться конкретного правонарушения определенной степени серьезности; он должен быть тесно связан с конкретным лицом или лицами, а именно с теми, кто «планирует» экстремистскую деятельность, которую необходимо предотвратить; и должно быть установлено, что риск возник из заявлений или поведения лица, в отношении которого применяется процедура предостережения. У Суда отсутствовала информации о том, что пределы национальной законодательной базы были должным образом определены (пункт 85 постановления).

В этой связи Суд отметил разъяснения ЕКПР¹⁴, согласно которым для того, чтобы оспариваемое заявление было классифицировано (в частности, в рамках уголовного преследования) как запрещенное подстрекательство, необходимо установить, что оно создавало неминуемый риск вредных последствий, а именно риск насилия, например, в отношении лиц, принадлежащих к определенной группе. Элемент подстрекательства подразумевает либо наличие ясного намерения совершить акты насилия, запугивания, вражды или дискриминации, либо неизбежный риск таких актов, происходящих вследствие использования определенного языка ненависти. По мнению Суда, хотя применение процедуры предостережения не могло быть приравнено к полноценному уголовному преследованию, оставалось неясным, использовали ли российские власти какие-либо определенные и предсказуемые критерии для определения риска поведения, препятствующего работе государственных органов, такого как поведение заявителей (пункт 86 постановления).

Суд повторил, что при оценке конкретного случая «вмешательства» в свободу выражения мнения в данном типе дел, наряду с общими принципами, сформулированными в прецедентной практике Суда в отношении статьи 10 Конвенции, следует учитывать различные факторы, в том числе следующие: контекст, в котором были сделаны оспариваемые

¹⁴ Европейская комиссия против расизма и нетерпимости.

заявления, их характер и используемые формулировки, их потенциал привести к пагубным последствиям (например, насильственное воспрепятствование законной деятельности государственных органов в той мере, в которой это имеет значение в контексте данного дела); были ли заявления сделаны на фоне напряженной политической или социальной ситуации; могут ли утверждения, справедливо истолкованные и рассматриваемые в их непосредственном или более широком контексте, рассматриваться как прямой или косвенный призыв к насилию или как оправдание насилия (или ненависти или нетерпимости, что может быть уместно в других ситуациях); способ, которым были сделаны заявления, и их потенциал (прямой или косвенный) привести к таким пагубным последствиям. Исход конкретного дела определяется взаимодействием между различными факторами, а не каким-либо одним из этих факторов, взятым в отдельности (пункт 87 постановления).

С учетом рассматриваемого в названном деле контекста также уместно напомнить – протесты, в том числе действия, принимающие форму физического воспрепятствования определенным действиям, могут представлять собой выражение мнения по смыслу статьи 10 Конвенции (пункт 88 постановления).

Суд обратил внимание – в доводах властей не указывалось на то, что прокурор был обязан учитывать упомянутые выше элементы при принятии решения о реагировании посредством применения процедуры предостережения на осуществление человеком права на свободу выражения мнения. В частности, Суду не были приведены примеры, касающиеся каких-либо руководящих принципов, применяемых властями в отношении предостережений или предупреждений, или какой-либо соответствующей авторитетной прецедентной практики российских судов (пункт 89 постановления).

Суд также отметил, что в Законе о противодействии экстремизму перечислены примеры «экстремистской деятельности», которые включают «препятствование законной деятельности государственных органов». Призывы к осуществлению такой экстремистской деятельности также были, по существу, классифицированы как «экстремистская деятельность». Как фактическая экстремистская деятельность, так и призывы к такой экстремистской деятельности могут быть признаны уголовно-наказуемым деянием. В этой связи власти не представили никаких объяснений относительно какого-либо установленного способа, которым можно было бы провести различие между ними и поведением, которое не составляло бы такое правонарушение, но все же могло бы повлечь за собой вынесение предостережения. В данном деле прошлое поведение заявителей не было классифицировано как «экстремистская деятельность» как таковое. Также оно не было квалифицировано как призыв к экстремистской деятельности. Вместо этого их поведение было признано основанием для

применения процедуры предостережения и предупреждения. В отсутствие четких критериев трудно провести различие между преступным призывом препятствовать деятельности государственных органов в сочетании с применением (угрозой применения) насилия, который может привести к вынесению предостережения, и лозунгом, который не влечет за собой ответственности в соответствии с законодательством о противодействии экстремизму. Возникающая в результате неопределенность отрицательно сказалась на предсказуемости законодательной базы, в то же время способствуя сдерживающему воздействию на свободу выражения мнения и предоставляя органам исполнительной власти слишком широкие пределы свободы усмотрения (пункт 90 постановления).

С учетом изложенного Суд не убедился в том, в период рассматриваемых событий российское законодательство предусматривало определенную правовую защиту от произвольного вмешательства государственных органов в права, гарантированные статьей 10 Конвенции, поскольку соответствующие пределы свободы усмотрения, предоставленные органам исполнительной власти, наделяли их неограниченными полномочиями. Российское законодательство не определяло с достаточной ясностью пределы дискреционных полномочий компетентных органов и способ их реализации. Суд пришел к выводу, что внутригосударственное законодательство было сформулировано недостаточно конкретно, предоставляя прокурору слишком широкие дискреционные полномочия и делая его применение непредсказуемым (пункт 91 постановления).

Суд также отметил, что отдельно от процедуры предостережения главное должностное лицо НПО (такой как второй заявитель в данном деле) могло стать объектом внимания в рамках процедуры предупреждения и представления. Приведенные выше выводы также применимы к этим процедурам. Более того, власти не предоставили никаких объяснений относительно обоснования применения таких процедур в случае, когда оспариваемые действия были напрямую связаны с личным осуществлением права на свободу выражения мнения лицом, а не с деятельностью НПО (пункт 92 постановления).

защита права лица на свободу выражения мнения при привлечении его к административной ответственности

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 38427/11 «*Самсонов против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на свободу

выражения мнения вследствие привлечения лица к административной ответственности по статье 20.2 КоАП РФ¹⁶ (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования).

Как усматривалось из постановления Европейского Суда, сторонами не оспаривалось, что заявитель был привлечен к ответственности в соответствии со статьей 20.2 КоАП РФ и это являлось вмешательством в его право на свободу выражения мнения в свете его права на свободу собраний. Такое вмешательство, продолжил Суд, представляет собой нарушение статьи 10 Конвенции, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей. Суд счел следующее – в данном деле вопросы соблюдения закона и наличия законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (пункт 23 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что заявитель был привлечен к административной ответственности со ссылкой на статью 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», которая допускает «проведение кампании перед мероприятием» после уведомления компетентного органа о публичном мероприятии. Суд отметил, что в 2012 году в статью 10 указанного закона были внесены изменения, так что стало возможным проведение кампании после утверждения властями проведения мероприятия. В одном из своих решений, принятых в 2013 году, Конституционный Суд Российской Федерации указал – в измененной статье 10 запрещается только преждевременное «проведение кампании», то есть призыв к участию людей, и не запрещается «информирование» возможных участников о целях, виде, месте, времени и предполагаемом количестве участников до того, как мероприятие было утверждено властями. При признании организаторов ответственными за нарушение требований статьи 10 упомянутого закона (в редакции 2012 года), внутригосударственные суды, соответственно, обязаны провести различие между «информированием» и «проведением кампании», так как только последнее является наказуемым согласно статье 20.2 КоАП РФ (пункт 24 постановления).

Как следовало из представленных в Суд материалов, заявитель был привлечен к ответственности, по существу, за один из своих постов. Оспариваемый пост просто содержал информацию о сроках и месте проведения собрания в связи с темой, обсуждаемой в разделе форума на сайте. Поскольку внутреннее законодательство само по себе придавало значение различию между «информированием» и «проведением кампании»,

¹⁶ Здесь и далее – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

то Суд не проявил уверенности в том, что внутригосударственные суды пришли к выводу, что простое указание даты, времени и места можно обоснованно считать «проведением кампании» (пункт 25 постановления).

Однако, указал Суд, даже если предположить, что пост заявителя в информационно-коммуникационной сети «Интернет» действительно призывал людей принять участие в конкретном публичном мероприятии и, следовательно, представлял собой преждевременное «проведение кампании» со стороны «организатора» мероприятия, то по смыслу и в нарушение действовавшей на тот момент статьи 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», Суд установил, что привлечение заявителя к административной ответственности нарушило его право на свободу выражения мнения, согласно позиции Суда, по следующим причинам (пункт 23 постановления).

Суд установил, что ни власти, ни внутригосударственные суды в указанном деле не упомянули каких-либо законных целей, преследуемых властями при привлечении заявителя к административной ответственности. В частности, не было заявлено, что рассматриваемое публичное мероприятие представляло собой риск для общественной безопасности или могло привести к нарушению общественного порядка или преступлению. Отсутствовали какие-либо указания на то, насколько важны были цели защиты национальной безопасности, здоровья или нравственности (пункт 27 постановления).

Относительно наличия по делу законной цели Суд, сославшись на постановление по делу *«Эльвира Дмитриева против Российской Федерации»*, отметил следующее: «... цель правил, регулирующих публичные мероприятия, и в частности, процедуры уведомления и утверждения, состоит в том, чтобы позволить органам власти принять все необходимые меры для обеспечения безопасности как присутствующих на публичном мероприятии, так и других лиц... В свою очередь, запрет на проведение кампании за участие до согласования публичного мероприятия с компетентными органами направлено на то, чтобы граждане не были введены в заблуждение призывами на участие в публичном мероприятии, место и время проведения которого еще окончательно не определены... Учитывая, что и порядок уведомления о публичных мероприятиях, и запрет на проведение кампании за участие до того, как процедура успешно завершена, очевидно направлены на защиту прав других лиц, Суд допускает, что такие процедуры и правила... преследуют законную цель защиты прав других лиц» (пункт 28 постановления).

Внутреннее законодательство, действовавшее в период рассматриваемых событий, продолжил Суд, позволяло «проводить кампанию» еще до подачи уведомления в компетентный орган о запланированном мероприятии. Сомнительно, что обоснование этого правила заключалось в том, чтобы гарантировать, что граждане не будут

введены в заблуждение призывами принять участие в публичном мероприятии, место и время которого «еще не было окончательно определено». Однако, возможно, предполагаемые участники могут быть введены в заблуждение по поводу факта в ходе ожидания уведомления компетентным органом, который в конечном итоге может утвердить или не утвердить мероприятие, как оно было запланировано организатором. Таким образом, Суд готов был допустить следующее – в названном деле применяется аналогичное обоснование (пункт 29 постановления).

В этом контексте Суд, во-первых, счел, что нарушение процедуры организации публичных мероприятий (в связи с преждевременным проведением кампании перед мероприятием в данном деле) вряд ли привело к какому-либо вмешательству в права других лиц. Суд также отметил, что внутригосударственные суды не приняли во внимание условия обсуждения на форуме сайта, посвященного различным вопросам, касающимся автомобилей, общего контекста темы форума и связанных с ним разговоров, их содержания, или участие заявителя в этом обсуждении, которое, как представляется, привело к предложению выразить протест посредством публичного мероприятия перед консульством Южной Кореи. За этим первоначальным предложением последовало официальное предложение на следующий день, когда местные власти были уведомлены о предполагаемом публичном мероприятии (пункт 30 постановления).

По мнению Суда, отсутствовали основания утверждать, что рассматриваемое мероприятие, хотя о нем еще не было подано уведомление и, тем более, оно не было утверждено компетентным местным органом власти, не будет мирным. Действительно, рассматриваемый пост в сети «Интернет» не содержал призывов к совершению насильственных, хулиганских или иных незаконных действий во время любого публичного мероприятия. Суд также подчеркнул: в разрешении рассматриваемого публичного мероприятия впоследствии было отказано на формальных основаниях, а не потому, что оно представляло риск нарушения общественного порядка или совершения преступления, или представляло риск для общественной безопасности или прав других лиц (пункт 31 постановления).

Как усматривалось из постановления Европейского Суда, заявитель разместил свои сообщения, в том числе те, за которые он впоследствии был привлечен к ответственности, в контексте обсуждения новостной статьи, касающейся уголовного дела в Южной Корее и связанных с ним политических и правовых вопросов. У Суда не было оснований сомневаться в том, что данная тема являлась предметом общественного интереса и что комментарии заявителя способствовали политическим дебатам, которые в указанном деле привели к идее выразить свое отношение к происходящему посредством публичной демонстрации. В связи с этим Суд напомнил, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции имеется немного

возможностей для ограничения политических высказываний или выражения мнений по вопросам, представляющим общественный интерес. Суд также напомнил о важности того, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень толерантности по отношению к мирным незаконным собраниям (пункт 32 постановления).

Суд, исследовав представленные доказательства, пришел к выводу о том, что единственной фактической целью преследования заявителя в данном деле был выбор наказания за незаконное поведение. Принимая во внимание, что нарушение процедуры организации публичных мероприятий не создавало реального риска общественных беспорядков или преступлений и не имело возможности привести, а также фактически не привело к вредным последствиям для общественной безопасности или прав других лиц, то этой причины было недостаточно, чтобы обосновать привлечение заявителя к ответственности за призыв людей участвовать в мероприятии по актуальной проблеме, представляющей общественный интерес. При таких обстоятельствах Суд не проявил убежденности в том, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было «необходимым в демократическом обществе».

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66314/11 *«Демин против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года), которым также было установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на свободу выражения мнения вследствие доставления его в отделение полиции во время проведения заявителем одиночного пикета.

*право лица на свободу собраний*¹⁷

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42276/15 и 54278/15 *«Борец-Первак и Мальдон против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 11 Конвенции в связи с несоблюдением права

¹⁷ Для сведения. В 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу собраний и объединений.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2021 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/30224/.

заявителей на свободу собраний; пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду незаконного задержания и доставления заявителей в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении; пункта 1 статьи 6 Конвенции из-за несправедливого судебного разбирательства по их делам об административных правонарушениях (несоблюдение права на беспристрастный суд).

*право лица на образование*¹⁹

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47429/09 «*Перовы против Российской Федерации*» (вынесено 20 октября 2020 года, вступило в силу 19 апреля 2021 года), которым отклонена жалоба заявителей на якобы имевшее место нарушение статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции (право на образование) и статьи 9 Конвенции (право на свободу вероисповедания).

Первый и второй заявители²⁰ настаивали на предполагаемом нарушении их права как родителей обеспечивать образование своего сына в соответствии с их собственными религиозными убеждениями.

Суд отметил, что первое предложение статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции предусматривает – каждый человек имеет право на образование. К этому праву присоединяется право родителей на уважение их религиозных и философских убеждений. Статья 2 Протокола № 1 представляет собой целое, в котором доминирует ее первое предложение. Обязывая себя не «отказывать в праве на образование», Договаривающиеся страны гарантируют любому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, право доступа в учебные заведения, существующие в данное время, и возможность получения, посредством официального признания обучения, которое он закончил (пункт 54 постановления).

Второе предложение статьи 2 Протокола № 1, по мнению Суда, следует читать в свете не только первого предложения той же статьи, но и, в частности, статьи 9 Конвенции, которая гарантирует свободу мысли, совести и религии, включая свободу не принадлежать к той или иной

¹⁹ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28445/.

²⁰ Супруги, родители третьего заявителя.

религии, и которая налагает на Договаривающиеся Стороны «обязанность нейтралитета и беспристрастности». Государства несут ответственность за обеспечение возможности нейтральным и беспристрастным образом исповедовать различные религии, верования и убеждения. Их роль заключается в том, чтобы помогать поддержанию общественного порядка, религиозной гармонии и терпимости в демократическом обществе, в особенности между оппозиционными группами. Это касается как отношений между верующими и неверующими, так и отношений между приверженцами различных религий, верований и убеждений (пункт 55 постановления).

Во втором предложении статьи 2 Протокола № 1, продолжил Суд, признается роль государства в образовании, а также право родителей, которые имеют право на уважение своих религиозных и философских убеждений при предоставлении образования и преподавания своим детям. Это право является обязательным для Договаривающихся Государств при осуществлении ими «всех и всяческих функций» в сфере образования и преподавания. Слово «уважать» в статье 2 Протокола № 1 означает больше, чем «признавать» или «принимать во внимание»; в дополнение к преимущественно негативному обязательству оно подразумевает некоторое позитивное обязательство со стороны государства (пункт 56 постановления).

Суд подчеркнул, что второе предложение статьи 2 Протокола № 1 направлено на обеспечение возможности плюрализма в образовании. Это имеет важное значение для сохранения «демократического общества», как оно понимается Конвенцией. В то время как второе предложение статьи 2 Протокола № 1 не препятствует Договаривающимся Государствам передавать посредством преподавания или образования информацию или знания прямо или косвенно религиозного или философского характера, поскольку разработка и планирование учебной программы входят в их компетенцию, однако она требует, чтобы государство при осуществлении своих функций в области образования и преподавания заботилось о том, чтобы информация или знания, включенные в учебную программу, передавались объективным, критическим и плюралистическим образом, позволяя учащимся развивать критический ум, особенно в отношении религии, в спокойной атмосфере, свободной от какого-либо прозелитизма. Государству запрещается преследовать цель идеологической обработки, которая может рассматриваться как неуважение к религиозным и философским убеждениям родителей. Это предел, который государства не должны превышать (пункт 57 постановления).

По мнению Суда, обязательство Договаривающихся Государств уважать религиозные и философские убеждения родителей не распространяется только на содержание обучения и способы его обеспечения, но связывает их «при осуществлении» всех «функций» – в терминах второго предложения статьи 2 Протокола № 1, – которые они

принимают на себя в отношении образования и преподавания. В целом, если организация школьной среды является делом государственных органов, то эта задача должна рассматриваться как функция, взятая на себя государством в отношении образования и преподавания по смыслу второго предложения статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции. Кроме того, можно предположить, что участие, по крайней мере, в некоторых религиозных мероприятиях, особенно в случаях, касающихся детей младшего возраста, может повлиять на сознание учащихся таким образом, что это создает проблему в соответствии со статьей 2 Протокола № 1 (пункт 59 постановления).

Суд установил, что обряд освящения²¹ совершался непосредственно перед запланированными занятиями и осуществлялся в классе третьего заявителя в первый день учебного года. Этот обряд вне всякого сомнения носил религиозный характер и проводился священником, который носил свои религиозные одежды, пел молитвы и использовал религиозные символы и образы. Суд готов признать, что обряд был единичным событием, которое происходило в ответ на пожелания и по инициативе большинства родителей школьников и не входило в официальную учебную программу. Однако эти элементы не перевешивают того факта, что освящение класса происходило на территории муниципальной школы и, по крайней мере, с молчаливого одобрения учительницы (пункт 60 постановления).

По мнению Суда, эта религиозная деятельность, которая проводилась в школьной среде, привела к тому, что события подпадали под действие статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции и представляли собой вмешательство в право, закрепленное во втором предложении этого положения.

Суд должен был установить, соблюдалось ли право первого и второго заявителей на обеспечение образования и преподавания их сына в соответствии с их религиозными убеждениями в обстоятельствах данного дела.

Суд напомнил, что Договаривающиеся Государства пользуются определенными пределами свободы усмотрения в своих усилиях по согласованию выполнения функций, которые они берут на себя в отношении образования и преподавания, с уважением права родителей обеспечивать такое образование и преподавание в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями. Это относится к организации школьной среды и к составлению и планированию учебной программы, и Суд, в принципе, обязан уважать решения Договаривающихся Государств по этим вопросам, включая место, которое они отводят религии, при условии, что эти решения не ведут к какой-либо форме идеологической обработки (пункт 63

²¹ Заявители утверждали, что обряд освящения класса, состоявшийся 3 сентября 2007 года, представлял собой вмешательство в право заявителей на свободу вероисповедания. Это вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку и Закон «О свободе совести», и Закон «Об образовании» запрещали религиозную деятельность в школе № 9 (пункт 41 постановления).

постановления).

Суд обратил внимание на то, что обряд освящения, несомненно, являлся религиозным обрядом, имеющим большое духовное и символическое значение в русской православной традиции. Вполне понятно, что для первого и второго заявителей, которые являются приверженцами другой христианской конфессии, даже простое присутствие их ребенка во время такой церемонии без предварительного уведомления может субъективно показаться проявлением неуважения со стороны государства к их праву на обеспечение образования и преподавания в соответствии с их религиозными убеждениями. Тот факт, что обряд был организован и проведен родителями только с молчаливого одобрения нанятой государством учительницы, сам по себе не имеет решающего значения (пункт 64 постановления).

Было отмечено, что как и по делу «*Лаутси*», Суду не были представлены доказательства того, что присутствие во время единоразовой непродолжительной церемонии, которая длилась не более двадцати минут, оказало влияние на учеников, и поэтому нельзя обоснованно утверждать, что оно оказало или не оказало влияние на третьего заявителя, чьи убеждения все еще находились в процессе формирования. Как бы то ни было, субъективное восприятие первого и второго заявителей, по мнению Суда, само по себе недостаточно для установления факта нарушения статьи 2 Протокола № 1 (пункт 65 постановления).

С объективной точки зрения Суд отметил, что обряд освящения был единичным случаем в воспитании третьего заявителя, ограниченным по объему и продолжительности. Хотя вызывает сожаление, что в то утро, о котором идет речь, второй заявитель, священник другой христианской конфессии, не был уведомлен о предстоящем православном обряде освящения, нет никаких доказательств, помимо утверждений заявителей, что участие третьего заявителя в этой церемонии было отмечено какой-либо идеологической обработкой или принуждением (пункт 66 постановления).

Суд, не поставив под сомнение субъективное значение событий для заявителей, подчеркнул, что ни в данном разбирательстве, ни во внутригосударственных судах первой и второй инстанции заявители не представили никаких доказательств, способных продемонстрировать какое-либо воздействие обряда (будь то психологическое или иное воздействие) на воспитание их ребенка в соответствии с учением их веры. Как усматривалось из постановления Суда, первый и второй заявители утверждали, что церемония причинила их сыну глубокое горе; однако они не представили никаких доказательств этого (например, отчет о клинической психологической или социальной оценке) (пункт 67 постановления).

Суд не мог не обратить внимания на то, что внутригосударственные органы власти быстро и адекватно отреагировали на жалобы заявителей. Органы прокуратуры провели проверку и установили, что права первого и

второго заявителей были нарушены, и постановили возбудить дисциплинарное производство в отношении учительницы. Местное министерство образования наложило дисциплинарное взыскание на директора школы за нарушение прав третьего заявителя. Таким образом, власти признали, что имело место нарушение прав заявителей, и ясно дали понять, что этот инцидент не должен повториться. Кроме того, внутригосударственные суды тщательно рассмотрели иски заявителей в рамках гражданского судопроизводства и заслушали всех участников событий. Они согласились с тем, что отсутствие уведомления первого и второго заявителей о предстоящем обряде было упущением со стороны учительницы. Тем не менее они отклонили эти иски, привели подробные и конкретные юридические и фактические доводы (пункт 68 постановления).

Суд, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и замечания сторон, пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 2 Протокола № 1 в данном деле в отношении первого и второго заявителей. Он также счел, что в отношении этих двух заявителей не возникало отдельного вопроса в соответствии со статьей 9 Конвенции.

Третий заявитель, в то время несовершеннолетний, подал жалобу по статье 9 Конвенции от своего имени, утверждая, что проведение православного обряда освящения нарушило его свободу вероисповедания.

Суд отметил, что хотя свобода религии, в первую очередь, является вопросом личной совести, она также подразумевает свободу исповедовать свою религию как единолично, так и сообща с другими, публично или в кругу тех, чью веру данное лицо разделяет. В статье 9 Конвенции перечисляются различные формы, которые может принимать проявление чьей-либо религии или убеждений, а именно – поклонение, учение, практика и соблюдение религиозных обрядов (пункт 71 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, муниципальная школа в указанном деле действительно способствовала коллективному осуществлению русскими православными верующими своей свободы исповедовать свои религиозные убеждения путем совершения обряда освящения. Однако нет никаких указаний на то, что содержание церемонии было предписано или контролировалось школьными властями, включено в учебную программу или стало обязательным образовательным требованием. Участие государства в данном деле не выходило за рамки предоставления помещения муниципальной школы общепризнанно доминирующей религиозной группе для проведения незначительного единоразового мероприятия без какого-либо намерения идеологической обработки. Это событие, по мнению внутригосударственных органов власти, стало, по существу, ошибкой оценки со стороны школьной учительницы и было немедленно исправлено с помощью конкретных решений и санкций (пункт 72 постановления).

Суд подчеркнул, что ценности плюрализма и терпимости, а также дух компромисса и диалога необходимы в демократическом обществе и не предоставляют какой-либо религиозной группе или отдельному лицу права не быть свидетелями индивидуальных или коллективных проявлений других религиозных или нерелигиозных убеждений. Ничто в доступных материалах не указывало на то, что участие третьего заявителя в обряде освящения выходило за рамки его простого присутствия на церемонии и присутствия в качестве свидетеля (пункт 73 постановления).

Стороны не оспаривали, что, хотя все присутствующие были приглашены поцеловать распятие, на самом деле это сделали только те, кто пожелал, и что третий заявитель воздержался. Маленькие бумажные иконы были разложены священником на столы, и в материалах нет никаких указаний на то, что кто-то был принужден принять их. Напротив, третий заявитель указал, что он положил ее в свой школьный портфель из интереса, чтобы он мог изучить ее позже. Священник был уведомлен учителем о присутствии приверженца других религиозных убеждений, но имя третьего заявителя ему не назвали. Стороны в своих замечаниях не утверждали, что имели место какие-либо прямые попытки священника или учителя обратить кого-либо в свою веру или заставить кого-либо принять участие в обряде (пункт 74 постановления).

Суд также не упустил из виду тот факт, что национальные власти, в частности местное министерство образования, быстро и адекватно отреагировали на жалобы, признали вмешательство в свободу вероисповедания третьего заявителя, наложили разумные санкции на ответственных лиц и приняли меры для предотвращения аналогичного инцидента (пункт 75 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенные соображения и имеющиеся материалы, Суд пришел к выводу, что третьего заявителя не принуждали к участию в проявлении убеждений другой христианской конфессии, и не препятствовали ему придерживаться собственных убеждений. Хотя присутствие свидетеля православного обряда освящения могло бы вызвать у него некоторое чувство несогласия, это несогласие следует рассматривать в широком контексте непредубежденности и терпимости, необходимых в демократическом обществе конкурирующих религиозных групп, которые не могут полагаться на статью 9 Конвенции для ограничения осуществления религиозных свобод других лиц. Кроме того, Суд принял во внимание вышеуказанные соображения и выводы в отношении прав первого и второго заявителей в соответствии со статьей 2 Протокола № 1 и надлежащей реакции местного министерства образования на это отдельное событие (пункт 76 постановления).

Суд, принимая во внимание вывод об отсутствии нарушения прав первого и второго заявителей в соответствии со статьей 2 Протокола № 1, счел, что в данном деле не было допущено нарушения прав третьего

заявителя согласно статье 9 Конвенции.

*право лица на обращение в межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*²²

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 44376/09 *«Парфентьев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 34 Конвенции ввиду необеспечения права заявителя на беспрепятственное обращение в Европейский Суд (более подробная информация об этом деле изложена ниже).

В сфере гражданско-правовых отношений

*право лица на свободу выражения мнения при рассмотрении судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации*²³

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 46232/10 и 74770/10 *«Тимаков и ООО «ИД Рубеж» против Российской Федерации»* (вынесено 8 сентября 2020 года, вступило в силу

²² Для сведения. В 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека «Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства»*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2017 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26335/.

²³ Как было отмечено выше, в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2018 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/.

8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с нарушением права заявителей на свободу выражения мнения; пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым судебным разбирательством – проведение закрытого судебного заседания по гражданскому делу.

Суд с самого начала отметил, что данное дело касалось трех различных разбирательств во внутригосударственных судах, инициированных Д. в ответ на сообщения профессионального журналиста, намекающие на коррупцию в администрации губернатора одной из областей: (а) гражданское разбирательство по делу о защите чести и достоинства в отношении обоих заявителей, в результате которого было вынесено решение от 25 августа 2009 года, которое было оставлено в силе 4 февраля 2010 года; (б) гражданское разбирательство по делу о защите чести и достоинства в отношении Т., в результате которого было вынесено решение от 22 сентября 2009 года, которое было оставлено в силе 18 марта 2010 года; и (в) уголовное производство по делу о клевете в отношении Т.

Как усматривалось из постановления Суда, стороны согласились с тем, что каждый случай рассматриваемого вмешательства был «предписан законом» и «преследовал законную цель», то есть «защиту репутации или прав других лиц» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, оставалось рассмотреть вопрос о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». В связи с этим Суд должен был определить, являлось ли вмешательство пропорциональным преследуемой законной цели, и были ли приведенные внутригосударственными судами основания достаточными и относимыми (пункт 62 постановления).

Суд рассмотрел вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» в свете соответствующих принципов, разработанных в его прецедентной практике, которые были обобщены, в частности, в постановлении Европейского Суда от 3 октября 2017 года по делу «*«Новая газета» и Милашина против Российской Федерации*». В этом контексте он также учел общие принципы, касающиеся пределов свободы усмотрения и соблюдения баланса между правом на свободу выражения мнения и правом на уважение личной жизни, а также прочно утвердившийся принцип, согласно которому требование доказать истинность оценочного суждения, которое не подлежит доказыванию, невозможно выполнить, и такое требование само по себе нарушает свободу выражения мнения (пункт 63 постановления).

Суд обратил внимание на то, что он уже устанавливал нарушение статьи 10 Конвенции в ряде дел против Российской Федерации, поскольку внутригосударственные суды не применяли стандарты, соответствующие

установленным прецедентной практикой Суда стандартам, касающимся свободы печати²⁴.

Как усматривалось из постановления, Суд начал с оценки вмешательства в форме гражданского производства по делу о защите чести и достоинства. Внутригосударственные суды подошли к двум делам о защите чести и достоинства почти одинаково, ограничившись установлением того, что заявления, которые они считали порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Д., действительно были распространены, и констатацией того, что ответчики не доказали истинности этих заявлений. Таким образом, Суд счел целесообразным рассмотреть оба гражданских процесса вместе (пункт 65 постановления).

Судом было отмечено, что он не в состоянии оценить степень серьезности предполагаемого посягательства на репутацию Д., учитывая, что в каждом случае гражданского производства по делу о защите чести и достоинства районный и областной суды не оценивали, могут ли оспариваемые заявления рассматриваться как фактическое посягательство, способное нанести ущерб чести или деловой репутации истца, не говоря уже о его достоинстве. По мнению Европейского Суда, внутригосударственные суды не стремились соблюсти баланс между интересами Д. в защите его репутации и интересами общественности в (i) обеспечении прозрачности и подотчетности администрации губернатора или (ii) получении информации по вопросам, представляющим общественный интерес. Напротив, внутригосударственные суды придавали большое значение социальному статусу Д. Судя по всему, их аргументация основана на предположении о том, что при любых обстоятельствах интересы, связанные с защитой чести и достоинства лиц, наделенных государственной властью, преобладают над свободой выражения мнения. Районный суд использовал почти идентичную формулировку в своих решениях, чтобы подчеркнуть позицию истца как «высшего должностного лица... области» и подразумевал, что функционирование всего региона зависит от «морального авторитета»

²⁴ См. постановление Европейского Суда от 22 января 2013 года по делу «ООО «Ивпресс» и другие против Российской Федерации» (*ООО Ivpress and Others v. Russia*), жалобы № 33501/04 и 3 других жалобы, пункт 79; постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Куницына против Российской Федерации» (*Kunitsyna v. Russia*), жалоба № 9406/05, пункты 46–48; постановление Европейского Суда от 26 января 2017 года по делу «Терентьев против Российской Федерации» (*Terentyev v. Russia*), жалоба № 25147/09, пункты 22–24; постановление Европейского Суда от 25 апреля 2017 года по делу «ООО Издательский центр „Квартирный ряд“ против Российской Федерации» (*ООО Izdatelskiy Tsentri Kvartirnyy Ryad v. Russia*), жалоба № 39748/05, пункт 46; постановление Европейского Суда от 13 июня 2017 года по делу «Чельцова против Российской Федерации» (*Cheltsova v. Russia*), жалоба № 44294/06, пункт 100; упоминавшееся выше постановление по делу «Скудаева против Российской Федерации», пункты 36–39; и упоминавшееся выше постановление по делу ««Новая газета» и Милашина против Российской Федерации».

губернатора. Суд счел, что, не сопоставив конкурирующие интересы, внутригосударственные суды не смогли обеспечить необходимый баланс (пункт 66 постановления).

Кроме того, в каждом из этих гражданских производств по делу о защите чести и достоинства суды не принимали во внимание: соответствующие роли Т. как журналиста и компании-заявителя как редакции и издательства; наличие или отсутствие добросовестности со стороны заявителей; цель, преследуемую заявителями при публикации статьи или Т. при утверждении, что губернатор заработал наивысшую оценку за коррупцию; наличие или отсутствие вопроса, представляющего общественный интерес или общую озабоченность, который был затронут оспариваемыми заявлениями; или актуальность информации о предполагаемых коррупционных действиях губернатора. Опуская какой-либо анализ таких элементов, внутригосударственные суды не обратили внимания на ту существенную функцию, которую выполняет пресса в демократическом обществе (пункт 67 постановления).

Кроме того, продолжил Европейский Суд, в обоих случаях гражданского судопроизводства внутригосударственные суды не обсуждали вопрос о том, являются ли оспариваемые заявления фактами или оценочными суждениями и в какой степени: районный суд исходил из того, что в качестве отправной точки для рассмотрения двух дел о защите чести и достоинства они являются фактами; областной суд просто оставил в силе решения суда первой инстанции, не затрагивая этот вопрос. Внутригосударственные суды также не стремились установить, имели ли ответчики по рассматриваемому делу о защите чести и достоинства какие-либо фактические основания утверждать, что губернатор Д. был вовлечен в коррупционную практику или потворствовал ей, несмотря на ходатайства последнего о принятии соответствующих документов в качестве доказательств. Хотя Суд признал, что различие между этими двумя понятиями не обязательно может казаться четким и иногда может стать предметом спора, однако он вновь напомнил – для того, чтобы провести различие между фактическим утверждением и оценочным суждением, необходимо учитывать обстоятельства дела и общий тон замечаний, принимая во внимание, что утверждения по вопросам, представляющим общественный интерес, могут на этой основе представлять собой оценочные суждения, а не констатацию факта. Суд счел: в тех случаях, когда ответчик по делу о защите чести и достоинства утверждает, что оспариваемое заявление является оценочным суждением, а не констатацией факта, внутригосударственные суды обязаны прислушаться к его аргументам. Однако суды в ходе двух рассматриваемых разбирательств не предприняли попытки рассмотреть вопрос о том, могут ли оспариваемые заявления рассматриваться как оценочное суждение, имеющее достаточную

фактографическую основу, несмотря на настойчивость ответчиков, что Суд расценивает как важное упущение (пункт 68 постановления).

Кроме того, Суд отметил – суммы компенсации, присужденные Д. в ходе двух вышеупомянутых разбирательств, были весьма существенными. Последовательная прецедентная практика Суда, касающаяся процессов по делам о защите чести и достоинства против журналистов, показывает следующее: характер и серьезность наложенных наказаний являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке пропорциональности вмешательства. Кроме того, Суд должен убедиться, что наказание не является формой цензуры, направленной на то, чтобы убедить прессу в неблагоприятности выражения критики. В контексте обсуждения темы, представляющей общественный интерес, такая санкция, скорее всего, удержит журналистов от участия в публичном обсуждении вопросов, влияющих на жизнь общества. По той же причине, она может препятствовать прессе в выполнении ее задачи в качестве поставщика информации и «сторожевого пса» общества (пункт 69 постановления).

Заявители подчеркнули, что они испытали на себе сдерживающее воздействие непропорционально высоких сумм компенсации. Суд принял этот довод, поскольку тот факт, что служба судебных приставов прибегла к наложению взыскания и в конечном итоге наложила арест на предметы домашнего обихода (включая пианино, на котором играла дочь Т.), служил наглядной иллюстрацией того, что сумма, присужденная в качестве компенсации Д. решением суда от 22 сентября 2009 года, в значительной степени выходила за рамки финансовых ресурсов, имеющих в распоряжении заявителя. Неблагоприятное воздействие, которое крупная присужденная сумма компенсации оказала на компанию-заявителя, – она была вынуждена ликвидироваться вследствие своей неспособности погасить задолженность по судебному решению, – еще более заметно. Однако никакие положения судебных решений от 25 августа и 22 сентября 2009 года не свидетельствуют о том, что внутригосударственные суды приняли во внимание финансовое положение ответчиков или рассмотрели вопрос о том, будет ли присужденная сумма компенсации соразмерной конкретным обстоятельствам каждого дела. Вместо этого они в очередной раз придали повышенное значение социальному статусу губернатора, тем самым не применяя соответствующие стандарты, закрепленные Конвенцией (пункт 70 постановления).

Вышеприведенные аспекты позволили Суду сделать вывод: причины, которые внутригосударственные суды приводили в обоснование вмешательства в право заявителей на свободу выражения мнения в рамках двух гражданских разбирательств по делу о защите чести и достоинства, могли быть охарактеризованы как «относящиеся к делу», но не могли рассматриваться как «достаточные». Внутригосударственные суды не учли должным образом принципы и критерии, изложенные в прецедентной

практике Суда, для достижения баланса права на уважение частной жизни и права на свободу выражения мнения. Таким образом, они превысили предоставленные им пределы свободы усмотрения и не смогли продемонстрировать, что имеется разумная пропорциональность между двумя рассматриваемыми случаями вмешательства и преследуемой законной целью. Таким образом, Суд резюмировал – не было доказано, что вмешательство было «необходимым в демократическом обществе» (пункт 71 постановления).

Кроме того, Суд отметил, что Т., помимо того, что ему пришлось заплатить непропорционально высокую цену за выражение своего мнения как журналиста и члена областного законодательного органа относительно профессиональной деятельности Д., был подвергнут уголовному преследованию за клевету в отношении заявления, которое было сочтено (в ходе этих гражданских разбирательств) порочащим честь и достоинство. Учитывая, что как гражданское производство по делу о защите чести и достоинства, которое Суд оценил выше, так и уголовное производство по делу о клевете следовали из одного и того же заявления и продолжались в течение некоторого времени параллельно, то Суд не считал необходимым рассматривать оставшийся случай вмешательства (в форме уголовного производства по делу о клевете) (пункт 72 постановления).

Учитывая вышеизложенные выводы Суда о том, что вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения не было «необходимым в демократическом обществе», имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Заявители также жаловались – в свете рассмотрения районным судом иска Д. к заявителю и компании-заявителю в закрытом режиме – на нарушение их права на публичное слушание дела.

Суд напомнил: «пункт 1 статьи 6 Конвенции гласит, что каждый в случае спора о гражданских правах и обязанностях «имеет право на справедливое и публичное разбирательство». Публичный характер слушаний защищает стороны от отправления правосудия без контроля со стороны общественности; это одно из средств поддержания доверия к суду. Обеспечивая прозрачность процесса отправления правосудия, публичность способствует достижению цели пункта 1 статьи 6 – справедливого судебного разбирательства, гарантия которого является одним из основополагающих принципов демократического общества. Однако из требования о проведении публичных слушаний могут быть исключения в соответствии с пунктом 1 статьи 6, который предусматривает, что «пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части ... когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия» (пункт 78 постановления).

Суд отметил, что ни районный суд, ни власти не выдвинули каких-либо конкретных доводов, способных обосновать проведение слушания в закрытом заседании по гражданскому делу о защите чести и достоинства. Простая ссылка на «исключительные обстоятельства» не может служить достаточным основанием для отказа от основополагающего принципа, закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции – а именно того, что судебное слушание должно проводиться публично (пункт 80 постановления).

Областной суд рассмотрел апелляционную жалобу на решение суда от 25 августа 2009 года в открытом судебном заседании. Суд вновь напомнил в этой связи – тот факт, что разбирательство в апелляционном суде проводится публично, не может восполнить непроведение публичных слушаний на нижестоящих уровнях юрисдикции, когда объем апелляционного производства ограничен, в частности, когда апелляционный суд не может рассмотреть дело по существу, включая пересмотр фактов и, например, оценку того, было ли наказание пропорционально проступку. Кроме того, Суд ранее устанавливал, что, принимая во внимание возможные негативные последствия непроведения открытого слушания в суде первой инстанции для справедливости производства, отсутствие общественного надзора никак не может быть компенсировано чем-либо, кроме полного пересмотра дела апелляционным судом (пункт 81 постановления).

Учитывая широкие возможности пересмотра, предоставленного апелляционным судам в соответствии с действующим на тот момент российским законодательством, имеющаяся в распоряжении Суда информация не указывала на то, что областной суд не мог провести повторное слушание дела. Для обеспечения соблюдения права ответчиков на публичное слушание дела необходимо было, чтобы областной суд принял меры по обеспечению полного повторного слушания дела в апелляционном порядке. Суд не смог не указать, что областной суд этого не сделал. Особенно важно отметить – в своем решении от 4 февраля 2010 года областной суд прямо отказался рассматривать существенный вопрос о соразмерности присужденной Д. компенсации предполагаемому ущербу его чести, достоинству и деловой репутации, и одобрил выводы, сделанные районным судом в закрытом заседании, не указав каких-либо подробных причин для этого. Соответственно, в обстоятельствах данного дела тот факт, что разбирательство в областном суде было публичным, не являлся достаточным для исправления непроведения публичного слушания в районном суде (пункт 82 постановления).

В отсутствие каких-либо причин, которые могли бы обосновать рассмотрение гражданского дела о защите чести и достоинства в отношении заявителей в закрытом заседании, Суд счел – имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный

перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 22649/08 «*ООО Регнум против Российской Федерации*» (вынесено 8 сентября 2020 года, вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение статьи 10 Конвенции в связи с нарушением права на свободу выражения мнения.

Суд отметил следующее – в своем решении от 10 октября 2007 года окружной арбитражный суд установил, что три новости, опубликованные на веб-сайте, принадлежащем компании-заявителю, запятнали деловую репутацию частной коммерческой компании, и присудил ей крупную компенсацию. Суд указал, что стороны сошлись во мнении, что рассматриваемое судебное решение представляло собой вмешательство в право компании-заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Суд установил: данное вмешательство было «предусмотрено законом», в частности, статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, и «преследовало законную цель», то есть «защиту репутации или прав других лиц» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции (пункт 55 постановления).

Далее Суд должен был рассмотреть вопрос о том, было ли вмешательство в право компании-заявителя на свободу выражения мнения «необходимым в демократическом обществе». При этом Суд должен определить, являлось ли вмешательство, о котором идет речь, соразмерным преследуемой законной цели и были ли приведенные внутригосударственными судами основания достаточными и существенными. Основной вопрос, на который должен был ответить Суд, заключался в том, установил ли окружной суд справедливый баланс между правом электронных средств массовой информации на свободу выражения мнения и правом коммерческой компании на репутацию (пункт 56 постановления).

(i) *Свобода выражения мнения*

Суд повторил: «[с]вобода выражения мнения, изложенная в статье 10 Конвенции, составляет одну из существенных основ демократического общества и является главным условием развития общества и самовыражения каждого из его членов. Эта свобода является исключением, которое должно подлежать строгому толкованию, а необходимость которого должна быть убедительно установлена. Прилагательное «необходимый» по смыслу пункта 2 статьи 10 подразумевает наличие «наущной социальной необходимости». Высокие Договаривающиеся Стороны имеют определенную свободу усмотрения при оценке наличия такой необходимости, которая тесно связана с европейской системой контроля, охватывающей как законодательство, так и решения о его применении, даже если эти решения выносятся независимыми судами. Таким образом,

Европейский Суд имеет полномочия выносить окончательные решения о совместимости «ограничения» со свободой выражения мнений в том виде, как она защищается статьей 10. Задача Суда состоит не в том, чтобы занять место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы осуществлять пересмотр согласно статье 10 решений, вынесенных ими, в соответствии с собственными полномочиями оценки. Этот надзор не ограничивается установлением того факта, действовало ли государство-ответчик при осуществлении своей свободы усмотрения надлежащим образом, тщательно и добросовестно. Суд должен рассмотреть жалобу на вмешательство в свете всего дела в целом и определить, является ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», и являются ли доводы, приведенные национальными властями, «существенными и достаточными». При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствовали принципам, изложенным в статье 10, и что они опирались на приемлемую оценку соответствующих фактов» (пункт 58 постановления).

Суд продолжил: «[в] соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции ограничением на свободу выражения мнения, в частности в вопросах, представляющих общественный интерес, уделяется мало внимания: в тех случаях, когда замечания касаются такого вопроса, как правило, обеспечивается высокий уровень защиты этой свободы, причем органы власти имеют особенно узкие пределы свободы усмотрения... Характер и суровость наложенных санкций относятся к числу факторов, которые следует принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства. Вмешательство в свободу выражения мнения может оказать сдерживающее воздействие на осуществление этой свободы» (пункт 59 постановления).

(ii) *Свобода выражения мнения и электронные средства массовой информации*

Суд напомнил, что он уже давно считает: пресса играет важную роль в демократическом обществе. После появления новых информационных технологий она распространила гарантии свободы прессы на новые электронные средства массовой информации. При этом признано, по мнению Суда, что в свете своей доступности, а также способности сохранять и передавать огромные объемы информации, сеть «Интернет» играет важную роль в расширении доступа граждан к новостям и содействии распространению информации. В то же время риск причинения ущерба осуществлению и использованию прав и свобод человека, в том числе риск причинения ущерба праву на уважение частной жизни, в результате размещения контента и коммуникаций в сети «Интернет», безусловно, представляется более высоким, чем аналогичный риск, возникающий в результате деятельности прессы (пункт 60 постановления).

Суд отметил, что хотя средства массовой информации не должны выходить за определенные рамки, однако их долг заключается в том, чтобы распространять (в соответствии со своими обязанностями и ответственностью) информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Помимо того, что средства массовой информации должны распространять такую информацию и идеи, общественность также имеет право получать их. В противном случае пресса – а следовательно, и электронные средства массовой информации – не смогли бы играть свою жизненно важную роль в качестве «сторожевого пса» общества. Однако задача внедрения информации обязательно включает в себя «обязанности и обязательства». Статья 10 Конвенции обеспечивает защиту журналистов при условии, что они действуют добросовестно, чтобы предоставлять точную и надежную информацию в соответствии с принципами ответственной журналистики. В мире, где человек сталкивается с огромным количеством информации, транслируемой все большим количеством традиционных и электронных СМИ, контроль за соблюдением журналистской этики приобретает огромное значение (пункт 61 постановления).

(iii) *Уравновешивание права на свободу выражения мнения с правом на репутацию*

Суд обратил внимание на то, что право на защиту репутации гарантируется статьей 8 Конвенции как часть права на уважение личной жизни. Понятие «личная жизнь» – это широкий термин, который не поддается исчерпывающему определению; оно также охватывает физическую и психологическую целостность человека. Однако для того, чтобы гарантии защиты статьи 8 начали действовать, должен быть достигнут определенный уровень серьезности посягательства на репутацию лица, а характер такого посягательства должен оказать отрицательное воздействие на его пользование правом на уважение частной жизни (пункт 62 постановления).

Когда Суду предлагается вынести решение по вопросу о конфликте между двумя правами, которые пользуются равной защитой в соответствии с Конвенцией, то он должен взвесить конкурирующие интересы. Результаты рассмотрения жалобы, в принципе, не должны различаться в зависимости от того, была ли она подана в Суд согласно статье 8 Конвенции лицом, являющимся объектом статьи-правонарушителя, или в соответствии со статьей 10 Конвенции автором этой статьи, поскольку эти два права заслуживают равного уважения. Принципы, имеющие отношение к уравновешиванию конкурентных прав, которые должны определять оценку Судом – и, что более важно, внутригосударственными судами – необходимости вмешательства, на которое подана жалоба, до сих пор определялись следующим образом: способствовала ли публикация обсуждению общественных интересов; степень известности затронутого

лица; предмет новостного сообщения; предшествующее поведение заинтересованного лица; содержание, форма и последствия публикации; и, когда это возникает, обстоятельства, при которых были сделаны фотографии. При рассмотрении жалобы, поданной в соответствии со статьей 10, Суд также рассматривает способ получения информации и ее достоверность, а также тяжесть наказания, наложенного на журналистов или издателей (пункт 63 постановления).

Как усматривалось из материалов дела, компания-заявитель, в отношении которой АО «РМК» инициировало производство о клевете, являлось электронным информационным агентством, зарегистрированным в соответствии с российским законодательством. Из этого следовало, что принципы, регулирующие свободу средств массовой информации, непосредственно применимы к названному делу (пункт 65 постановления).

Принимая во внимание положение заявителя как коммерческой компании, Суд отметил следующее – ранее он признавал, что интерес частной компании в защите своей репутации посредством производства по делу о клевете может отвечать интересам достижения более широкого экономического блага и что, следовательно, государство пользуется пределом свободы усмотрения в отношении средств, которые оно предоставляет согласно внутригосударственному праву, чтобы позволить компании оспаривать истинность утверждений, которые могут нанести ущерб ее репутации. В то же время Суд подчеркнул, что существует разница между репутационными интересами юридического лица и репутацией физического лица как члена общества. В то время как последние могут иметь последствия для чьего-либо достоинства, первые лишены этого морального измерения (пункт 66 постановления).

(i) Критерии, которые необходимо учитывать при балансировании права на свободу средств массовой информации и права на репутацию коммерческой компании

Суд отметил, что истец, инициировавший дело о клевете против рассматриваемой компании-заявителя, являлся коммерческой компанией. Суд счел, что этот факт необходимо учитывать при принятии решения о том, какие принципы, установленные в его прецедентной практике, уместны в контексте поиска баланса конкурирующих конвенционных прав друг против друга. По мнению Суда, при оценке необходимости вмешательства, когда право на свободу средств массовой информации должно быть сопоставлено с конкурентным правом на репутацию коммерческой компании, уместны следующие критерии: предмет оспариваемых публикаций, то есть касались ли они вопроса, представляющего общественный интерес; содержание, форма и последствия публикаций; способ получения информации и ее достоверность; а также тяжесть наказания, налагаемого на средства массовой информации или журналистов (пункт 67 постановления).

Вопрос, представляющий общественный интерес

Суд отметил, что предметом трех оспариваемых новостей (новостных материалов) был случай отравления ртутью после употребления купленного в магазине фирменного безалкогольного напитка. По мнению Суда, это явно относилось к важному аспекту здоровья человека и поднимало серьезную проблему с точки зрения защиты прав потребителей. Соответственно, оспариваемые новости содержали информацию, представляющую значительный общественный интерес (пункт 68 постановления). Вместе с тем, как следовало из текста решения от 10 октября 2007 года, окружной арбитражный суд не рассматривал вопрос о том, была ли информация, распространяемая электронным средством массовой информации, актуальной для общественности. Поэтому он не рассматривал спор о клевете в контексте общей заинтересованности в получении сообщений об обнаружении потенциальной опасности для здоровья (пункт 69 постановления).

Содержание, форма и последствия публикации

Что касается *содержания и формы публикации*, то Суд отметил - три новости были короткими и исключительно информационными. Сформулированные как изложение обстоятельств дела, они не содержали никакой субъективной оценки ситуации, о чем сообщал журналист, которая могла бы рассматриваться как оценочное суждение (пункт 70 постановления).

Суд не в состоянии был рассмотреть вопрос о том, требовали ли последствия оспариваемых новостей, наступивших для истца, если таковые имели место, мер, примененных окружным судом, включая присуждение убытков в размере 1 000 000 рублей, учитывая тот факт, что в решении от 10 октября 2007 года не обсуждалось, повлияли ли оспариваемые новости на истца или его акционеров каким-либо образом, будь то в плане снижения продаж, оценки стоимости акций или иным образом. Однако он не смог не принять к сведению такое упущение со стороны окружного арбитражного суда (пункт 71 постановления).

Источники публикуемой информации и ее достоверность

Что касается *способа получения этой информации и ее достоверности*, то Суд отметил следующее. В оспариваемых новостях от 21 и 22 ноября 2005 года сообщалось о деятельности подразделений полиции и МЧС России, а в сообщениях от 23 ноября 2005 года дословно воспроизводилось официальное сообщение Государственной службы защиты прав потребителей. Суть оспариваемых новостей состояла не в том, чтобы

обвинить коммерческую компанию в совершении правонарушений или морально предосудительных деяний, а в том, чтобы передать сообщение властей по вопросу общественного здравоохранения. То, что компания-заявитель опиралась на информацию, полученную из официальных источников, не может быть оспорено, поскольку представители средств массовой информации должны иметь право делать это без необходимости проведения независимого исследования. Если бы это было не так, то эффективность статьи 10 Конвенции была бы в значительной степени утрачена (пункт 72 постановления).

Тем не менее окружной арбитражный суд не освободил компанию-заявителя от ответственности в соответствии с пунктом 3 статьи 57 Закона «О средствах массовой информации», которая предусматривала освобождение в тех случаях, когда оспариваемые неправдивые заявления исходили из официальных источников, хотя он прямо ссылаясь на официальные документы УВД России, называя их источником распространяемой информации (пункт 73 постановления).

Кроме того, Суд обратил внимание, что окружной арбитражный суд отказался рассматривать письмо Роспотребнадзора от 22 ноября 2005 года в качестве «официального» источника информации. Суд нашел странным тот факт, что, хотя К.²⁵ подтвердил подлинность письма от 22 ноября 2005 года в Апелляционном суде, однако окружной арбитражный суд не обратил внимания на его показания. В решении от 10 октября 2007 года нет никаких указаний на то, считался ли К. ненадежным или неубедительным свидетелем. Вместо этого окружной арбитражный суд сосредоточил внимание на том факте, что данное письмо не было ответом на официальный запрос о предоставлении информации от компании-заявителя. Суд счел, что требовать от компании-заявителя доказать правдивость заявлений, скопированных из письма Роспотребнадзора, в то же время, не предоставляя возможности ответчику предоставить доказательства подлинности источника информации, не соответствует требованиям статьи 10 Конвенции (пункт 74 постановления).

Следовало также отметить, что окружной арбитражный суд сослался на отказ в возбуждении уголовного дела от 19 декабря 2005 года по факту размещения новостей, опубликованных на веб-сайте в период с 21 по 23 ноября 2005 года. Суд не мог не подчеркнуть, что такое рассуждение не поддается логике, поскольку на момент публикации новостей компания-заявитель не имела возможности предвидеть события, которые произойдут почти через месяц. Суд повторил: степень, в которой заявитель может обоснованно считать источник информации надежным, должна определяться в свете ситуации, как она представлялась заявителю в

²⁵ Заместитель руководителя управления Роспотребнадзора по одному из субъектов Российской Федерации.

период рассматриваемых событий, а не с точки зрения ретроспективы (пункт 75 постановления).

Суд счел, что информация, сообщенная в трех новостях, которые окружной арбитражный суд счел клеветническими, приравнивается к фактическим обстоятельствам дела, существование которых на момент сообщения было доказано. Памятуя о том, что, поскольку вопросы данного дела касались фактических заявлений, очень важно, чтобы обязанности и обязательства средств массовой информации были соблюдены, а также учитывая способ получения информации, связанной с тремя новостями, Суд был удовлетворен тем, что при публикации на веб-сайте компания-заявитель действовала во исполнение своих обязанностей в качестве распространителя точной и достоверной информации и в полном соответствии с принципами ответственной журналистики (пункт 76 постановления).

Штраф, наложенный на компанию-заявителя

Что касается размера штрафа, наложенного на компанию-заявителя, то Суд отметил значительную компенсацию, присужденную истцу, которая, по мнению компании-заявителя, оказала «сдерживающее воздействие» на ее свободу выражения мнения. Суд повторил, что наиболее тщательное рассмотрение со стороны Суда требуется в тех случаях, когда принимаемые национальными властями меры или санкции способны препятствовать участию средств массовой информации в дискуссиях на темы, касающиеся законных общественных интересов (пункт 77 постановления).

По мнению Суда, при решении задачи обеспечения баланса между репутационными интересами коммерческой компании и общей заинтересованности общества в области охраны здоровья населения и информирования о потенциальных опасностях для здоровья, а также соответствующей заинтересованностью (и обязанностью) представителей средств массовой информации в освещении таких опасностей внутригосударственные суды должны убедительно продемонстрировать наличие насущной социальной потребности, способной оправдать вмешательство в свободу средств массовой информации (пункт 78 постановления).

Однако, как было установлено Судом, окружной арбитражный суд, принимая решение в пользу истца, не выдвинул никаких аргументов относительно того, почему он придавал большее значение репутационным интересам коммерческой компании, чем интересам широкой общественности, чтобы быть информированным о таком серьезном деле, как случай отравления ртутью через коммерчески распространяемые пищевые продукты. Окружной арбитражный суд также не произвел никакой оценки, пусть даже поверхностной, соразмерности значительной суммы, испрашиваемой коммерческой компанией в связи с моральным вредом,

предполагаемому ущербу ее деловой репутации, игнорируя тем самым требование Конвенции о том, что присуждение ущерба за клевету должно иметь разумную связь соразмерности с ущербом, причиненным репутации. Таким образом, Суд решил – окружной арбитражный суд не представил «относимых и достаточных оснований» для обоснования присуждения компенсации в размере 1 000 000 рублей за предполагаемый вред репутации коммерческой компании (пункт 79 постановления).

С учетом вышеуказанных элементов Суд счел: окружной арбитражный суд не смог убедительно и в соответствии с принципами, закрепленными в статье 10 Конвенции, установить, что существовала настоятельная социальная необходимость в оспариваемом вмешательстве. Таким образом, решение окружного арбитражного суда представляло собой непропорциональное вмешательство в право компании-заявителя на свободу выражения мнения, которое не было «необходимым в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

право лица на уважение личной (частной) жизни в аспекте рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 44376/09 «**Парфентьев против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением права заявителя на уважение частной жизни, вызванным размещением информации о частной жизни в средствах массовой информации; статьи 34 Конвенции ввиду необеспечения права заявителя на беспрепятственное обращение в Европейский Суд.

Заявитель жаловался, что раскрытие в газетной статье от 18 мая 2005 года информации о его частной жизни и публикация его фотографии были нарушением его права на уважение его частной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции.

Суд отметил, что вопрос в указанном деле заключался не в действии государства, а в предполагаемой недостаточной защите личной жизни заявителя, обеспеченной внутригосударственными судами. Несмотря на то, что важной целью статьи 8 Конвенции является защита человека от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, она не просто требует от государства воздерживаться от такого вмешательства: в дополнение к этому негативному обязательству могут существовать позитивные обязательства, присущие эффективному уважению частной или семейной жизни. Эти обязательства могут также включать принятие мер,

обеспечивающих уважение к частной жизни даже в области отношений лиц между друг другом. Граница между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со статьей 8 Конвенции не поддается точному определению; применимые принципы, тем не менее, схожи. В обоих контекстах внимание должно быть уделено установлению справедливого баланса, который должен быть соблюден между соответствующими конкурирующими интересами (пункт 33 постановления).

Опираясь на принципы, которые прочно утвердились в его прецедентной практике, Суд рассмотрел вопрос о том, был ли достигнут справедливый баланс между правом заявителя на уважение его частной жизни со согласно статье 8 Конвенции и свободой выражения мнения издателя, гарантированной статьей 10 Конвенции.

Как усматривалось из постановления, Суд обратил внимание на то следующее – внутригосударственные суды отказались признать, что публикация статьи, содержащей личную информацию заявителя, а также фотографию заявителя, представляла собой вмешательство в его право на уважение его частной жизни. Хотя внутригосударственные суды приняли во внимание свободу выражения мнения издателя, они не смогли установить баланс между этим правом и правами заявителя, гарантированными статьей 8 Конвенции (пункт 35 постановления).

Вышеизложенных соображений было достаточно для того, чтобы Суд смог прийти к выводу о нарушении статьи 8 Конвенции.

Суд по собственной инициативе поднял вопрос о том, является ли регистрация администрацией исправительного учреждения писем заявителя в Суд в реестре исходящей корреспонденции и их направление вместе с сопроводительными письмами таких органов нарушением статей 8 и 34 Конвенции.

Суд напомнил, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, гарантированных статьей 34 Конвенции, чрезвычайно важно, чтобы заявители имели возможность беспрепятственно вступать в контакт с органами Конвенции, не подвергаясь какой-либо форме давления со стороны властей с целью заставить их отозвать или изменить их жалобы. В этом контексте понятие «давление» включает в себя не только прямое принуждение и явные акты запугивания, но также и иные ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы разубедить или лишить заявителей желания воспользоваться гарантированным Конвенцией средством правовой защиты (пункт 42 постановления).

Суд также напомнил о важности соблюдения конфиденциальности переписки между Судом и заявителями, поскольку в ней могут содержаться обвинения против тюремных органов или их должностных лиц. Вскрытие писем, полученных от Суда или адресованных ему, по мнению Суда,

безусловно, приводит к тому, что они могут быть прочитаны и, предположительно, в отдельных случаях могут создать риск репрессий со стороны сотрудников администраций исправительных учреждений в отношении такого заключенного (пункт 43 постановления).

Как усматривалось из постановления Суда, письма заявителя, адресованные Суду, содержали надписи, сделанные сотрудниками администрации исправительного учреждения, и направлялись с сопроводительными письмами, написанными ими с указанием характера переписки заявителя. Данные факты свидетельствовали, по мнению Суда, о том, что переписка заявителя с Судом просматривалась сотрудниками следственного изолятора (пункт 43 постановления).

Суд пришел к выводу, что вскрытие и контроль переписки заявителя, адресованной Суду, представляли собой препятствие эффективному осуществлению права заявителя на подачу индивидуальной жалобы.

*право лица на образование*²⁶

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47429/09 **«Перовы против Российской Федерации»** (вынесено 20 октября 2020 года, вступило в силу 19 апреля 2021 года), которым отклонена жалоба заявителей на якобы имевшее место нарушение статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции (право на образование) и статьи 9 Конвенции (право на свободу вероисповедания). Более подробная информация об этом деле изложена выше.

²⁶ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на образование.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2019 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/28445/.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право лица на обоснованное судебное постановление как неотъемлемый элемент права на справедливое судебное разбирательство

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 38007/14 «*Матюнина против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым судебным разбирательством, вызванное несоблюдением права лица на получение мотивированного судебного постановления.

Суд напомнил, что гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, включают обязательство обосновывать судебные решения. Однако, хотя это положение обязывает суды обосновывать свои решения, оно не подразумевает развернутого ответа на каждый аргумент. Расширенное толкование обязанности обосновывать решения может варьироваться в зависимости от решения. Кроме того, необходимо учитывать, в частности, разность средств, используемых истцом для установления правосудия, а также различия между договаривающимися государствами относительно законодательных положений, обычаев, концепций правовых доктрин, вынесения и изменения судебных решений и постановлений. Таким образом, вопрос о том, нарушил ли суд свою обязанность обосновывать решение, может быть проанализирован только в свете обстоятельств дела (пункт 15 постановления).

Обоснование требования о вынесении аргументированного судебного решения заключается не только в заинтересованности истца в том, чтобы его доводы были должным образом учтены, но и в том, что все граждане демократического общества заинтересованы в осуществлении контроля за отправлением правосудия, продолжил Суд. Кроме того, по мнению Суда, когда суд апелляционной инстанции ограничивается повторением причин, подтверждающих решение суда первой инстанции, для отклонения жалобы, необходимо, чтобы суд или нижестоящий орган указал причины, позволяющие сторонам эффективно использовать свое право на обжалование (пункт 16 постановления).

Как усматривалось из постановления Европейского Суда, заявительница обращалась в районный суд и в суд апелляционной инстанции с заявлением о применении нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, касающейся исковой давности. Внутригосударственные суды

никак не отреагировали на это заявление (пункт 17 постановления).

Суд счел, что это заявление подлежало рассмотрению, поскольку оно само по себе может служить основанием для отклонения гражданского иска.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что в данном деле суды не выполнили свое обязательство обосновывать судебное решение, которое следует из гарантий справедливого судебного разбирательства, как это предусмотрено прецедентной практикой Суда. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в этом отношении.

право лица на публичное судебное разбирательство

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 42301/11 *«Масленников против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением закрытого судебного заседания в апелляционной инстанции по гражданскому делу заявителя.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 46232/10 и 74770/10 *«Тимаков и ООО «ИД Рубеж» против Российской Федерации»* (вынесено 8 сентября 2020 года, вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым также было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым судебным разбирательством – проведение закрытого судебного заседания по гражданскому делу (более подробная информация об этом деле изложена выше).

право лишеного свободы лица на участие в судебном заседании по гражданскому делу

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 56911/14 *«Шигалев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым судебным разбирательством по делу заявителя, вызванное необеспечением лишеного свободы лица правом на участие в судебном заседании по гражданскому делу.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

защита права лица на жизнь в аспекте исполнения государством позитивных обязательств материального характера²⁸

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека жалобе № 45024/07 **«Плоховы против Российской Федерации»** (вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах в связи со смертью в 2005 года сына заявителей П., и необеспечением эффективного расследования по данному факту (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

защита права лица на жизнь в аспекте проведения эффективного расследования случаев лишения жизни

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека жалобе № 45024/07 **«Плоховы против Российской Федерации»** (вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах в связи со смертью в 2005 году сына заявителей П., и необеспечением эффективного расследования по данному факту.

С точки зрения нарушения материального аспекта статьи 2 Конвенции отмечено необеспечение своевременного доступа сына заявителей к медицинской помощи (выразившееся в запретах П. на обращение за такой помощью) и неоказание сыну заявителей на протяжении 8 дней после его госпитализации надлежащего лечения и необходимых исследований.

С точки зрения нарушения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции отмечено, что доследственная проверка по факту смерти П. была

²⁸ **Для сведения.** В 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» (за 2021 год) раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/30129/.

инициирована только спустя 2 месяца после его смерти. При этом вынесенные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела были неоднократно отменены ввиду неполноты проверочных действий. Обращено внимание также на невозможность проведения в рамках доследственных проверок необходимых следственных действий, а также на то, что проведение только доследственных проверок по небезосновательным заявлениям о преступлении в данном деле не смогло заменить полноценного расследования с проведением всех необходимых следственных действий.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации. В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.